

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

2
2019

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 2 (09) / 2019

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Львов Е.В.
Классификации пределов правового регулирования 1

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

- Воронцова Н.В., Миненко К.С.
Генезис конституционно-правового статуса несовершеннолетних в России 4

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Некрасова А.Д.
Конституция как основополагающий источник административно-правового регулирования 7

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Брагина А.М.
Правовое регулирование института самовольного строительства в российском законодательстве 9

- Брагина А.М.
Защита добросовестных застройщиков: обзор новых правил о самовольной постройке 12

- Васильева Е.И.
Как изменится гражданский процесс, если судьями станут роботы 14

- Лукьянченко Н.Ю.
Раскрытие информации при проведении общего собрания акционеров 16

- Селенинова Г.С.
Транспортная экспедиция: споры, связанные с защитой прав потребителей 18

- Чернитевич А.В.
Уклонение арендатора от принятия объекта аренды как проявление злоупотребления правом в форме бездействия 20

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Цитович Л.В., Никишов А.Б.
Брак и иные виды семейных союзов в зарубежных странах 23

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

- Власов А.С.
Проблемы профилактической работы с несовершеннолетними, употребляющими ПАВ 26

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Жигангалина Л.Р.

Проблемы свидетельского иммунитета в российском уголовном процессе 28

Коновалова Т.А., Крицкая Е.В.

**Таможенные преступления в Российской Федерации: современное состояние
и актуальные проблемы 31**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Третьяков С.И.

История становления и развития местного самоуправления в Республике Узбекистан. ... 37

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Классификации пределов правового регулирования

Львов Евгений Владимирович, аспирант
Костромской государственной академии права

В статье рассматривается понятие и различные классификации пределов правового регулирования, получившие распространение в отечественной правовой литературе. Делается вывод об обоснованности множественных классификаций рассматриваемой правовой категории.

Ключевые слова: правовое регулирование, пределы правового регулирования, внутренние и внешние пределы правового регулирования, объективные и субъективные пределы правового регулирования, предметные и инструментальные пределы правового регулирования.

Classifications of limits of legal regulation

The article considers the concept and classifications of the limits of legal regulation, which have widespread in the domestic legal literature. The conclusion is made about the validity of multiple classifications of the considered legal category.

Key words: legal regulation, limits of legal regulation, internal and external limits of legal regulation, objective and subjective limits of legal regulation, subject and instrument limits of legal regulation.

Правовое регулирование может быть рассмотрено как целенаправленная юридическая деятельность, сопровождающая всю историю существования права в обществе. Воздействие государства на общественные отношения носит сложный комплексный характер и реализуется посредством сочетания различных социальных регуляторов, а не только и исключительно права. Принимая во внимание то обстоятельство, что право не является универсальным регулятором поведения, стоит признать, что его воздействие на общественные отношения имеет границы. Данное суждение в современной правовой литературе считается одной из наиболее значимых юридических аксиом.

Уместно предположить, что указанная категория не утратила своей актуальности как объект исследования и сегодня. Особое значение данная категория приобретает, если рассматривать правовое регулирование как динамическую систему. Если придерживаться указанной точки зрения, то становится очевидным, что развитие общественной жизни, ее неизменное расширение и изменение, постоянно оказывает существенное воздействие и на пределы правового регулирования [4, с. 38]. Тем не менее, несмотря на актуальность изучения рассматриваемой темы, в отечественной правовой науке по-прежнему отсутствуют определенные установки, научные рекомендации, направленные на установление пределов правового регулирования, вследствие чего

субъекты, в той или иной степени участвующие в правовом регулировании общественных отношений, вынуждены использовать «метод проб и ошибок [9, с. 16]».

В юридической литературе существует несколько классификаций пределов правового регулирования. Прежде чем приступить к основным классификациям пределов правового регулирования, указанным в отечественной правовой науке, необходимо обратиться к наиболее значимым понятиям, рассматриваемым в настоящей статье.

Слово «регулирование» имеет латинское происхождение — «regula». Его можно перевести как «правило», «норма», «мерило», «прямая палка» [10, с.289] или как «начало» [5, с. 469]. Все значения отражают главное — регулирование является нормативным измерителем, открывающим пути дальнейшей деятельности.

Несмотря на значительное количество определений понятия «правовое регулирование», наиболее распространенным является определение, данное известным ученым С. С. Алексеевым, согласно которому под правовым регулированием следует понимать осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения [1, с. 5]. Указанное определение является своего рода квинт-эссенцией широкого подхода к пониманию указанной правовой категории.

Единого понимания пределов правового регулирования в науке также не существует. Наиболее часто

пределы правового регулирования определяются в качестве обусловленных различными факторами (объективными, субъективными, природными, социальными и т. д.) границ, в рамках которых осуществляется или может осуществляться правовое регулирование общественных отношений [7, с. 228–229]; в виде рубежей, за которыми оно невозможно или нецелесообразно [6, с. 318].

В основу самой распространенной в отечественной правовой науке классификации положено правовое регулирование, рассматриваемое как воздействие, обусловленное не только объективными, но и субъективными факторами [3]. Исходя из этого, предлагается выделять пределы правового регулирования по волевому критерию, т. е. по наличию или отсутствию их связи с волей субъектов, осуществляющих специальное правовое воздействие. Таким образом выделяют объективные и субъективные пределы правового регулирования. Объективные пределы обусловлены самими общественными отношениями, природными закономерностями и находятся вне зависимости от воли людей. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что наряду с общественными отношениями, поддающимися правовому регулированию, входящими в сферу правового регулирования, существует значительное количество отношений, урегулировать которые посредством права невозможно. В свою очередь субъективные границы определяются не общественными отношениями, а правотворческими органами, определяющими, какими нормами и как будут регулироваться общественные отношения, то есть детерминируются психическими факторами [7, с. 322–332]. Указанное обстоятельство также проявляется в степени урегулированности тех или иных общественных отношений [8, с. 231].

Объективные и субъективные пределы в соответствии с характером разграничиваемых ими явлений подразделяются на внешние и внутренние. Внешние границы выступают общими для любых видов правового регулирования, поскольку отделяют область правового регулирования от общественных отношений, регулируемых законами природы, социальных закономерностей (например, опосредующих процесс формирования и развития языка), а также от иных сфер социального регулирования, не требующих специального юридического воздействия [6, с. 320–321].

Стоит также отметить, что внутренние пределы правового регулирования в достаточной степени неоднородны. В зависимости от очерчиваемого аспекта правового воздействия они могут подразделяться на временные, пространственные и субъектные. Временные пределы

правового регулирования устанавливают протяженность регулирования во времени, в то время как пространственные определяют его территориальные границы. Субъектные пределы же устанавливают круг лиц, подпадающих под воздействие правового регулирования, а также круг субъектов, уполномоченных осуществлять различные виды правового регулирования [2, с. 7]. Данные виды пределов в научной литературе изучены наиболее подробным образом. Предположительно, причиной указанного внимания является их очевидная практическая, востребованность в повседневной правореализационной практике.

Кроме того, зачастую указывается, что в соответствии с содержанием юридических явлений, входящих в сферу правового регулирования, внутренние границы подразделяются на предметные и инструментальные. Предметные отграничивают друг от друга самостоятельные элементы системы права — правовые общности (частное и публичное право, материальное и процессуальное), отрасли и институты права, а инструментальные в свою очередь фиксируют границы использования определённых юридических средств и методов, применяемых в процессе правового регулирования [2, с. 19].

Иным подходом к классификации границ правового регулирования является их определение с позиции возможного и необходимого правового регулирования. Основываясь на указанном критерии, обычно выделяют верхние и нижние границы правового регулирования. В данном контексте под верхней границей понимается максимально возможный предел правового регулирования, отношения за которым находятся за пределами государственной власти и регулируются иными, неправовыми нормами, а под нижней — минимальная важность регулируемых отношений для общества и государства [11, с. 52]. При этом существует мнение, что в целом указанная классификация не является самостоятельной и в целом схожа с вышеуказанным разделением пределов правового регулирования на внешние и внутренние [2, с. 7, 15].

Подводя итог вышесказанному, необходимо указать на отсутствие единого мнения о классификации пределов правового регулирования. Так, например, в научной литературе встречаются упоминания о «моральных» границах правового регулирования [1, с. 146–148], а также компетенционных [13] и отраслевых [8] пределах. Полагаем, что изучение пределов правового регулирования, в том числе оснований их классификации, является значимой и актуальной тематикой для дальнейших исследований.

Литература:

1. Алекси Р. Дуальная природа права // Правоведение. — 2010. — № 2.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М.: Юридическая литература, 1966.
3. Иванов Р. Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2011. — № 4 (29).
4. Ковалева Н. В. Техническое регулирование в законодательстве Российской империи (XIX — начала XX веков): монография. — Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2012.
5. Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования. — Советское государство и право. — 1970. — № 11.

6. Латино-русский словарь к источникам римского права. По изданию 1896 г. Ф. Дыдынский. — М.: Спарк, 1997.
7. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 1996.
8. Овсепян Ж. И. Конституционное судебное-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. — 1999. — № 2.
9. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2007.
10. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. — Иркутск, 2008.
11. Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Государство и право. — 1991. — № 8.
12. Словарь латино-русский и русско-латинский / под ред. А. В. Подосинова. — М.: Флинта; Наука, 2004.
13. Таева Н. Е. Пределы толкования конституционно-правовых норм Российской Федерации // Государство и право. — 2006. — № 12.
14. Теория государства и права: учеб. / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. — М., 2000.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Генезис конституционно-правового статуса несовершеннолетних в России

Воронцова Надежда Владимировна, студент;
Миненко Кирилл Сергеевич, студент
МИРЭА – Российский технологический университет (г. Москва)

В данной научной статье авторами рассматривается специфика конституционно-правового статуса несовершеннолетних в России через призму его исторического развития и эволюционирования. Отмечаются особенности правового статуса несовершеннолетних на определенных исторических этапах. Авторами анализируются источники права разных исторических периодов времени с позиции выявления правовых модификаций статуса несовершеннолетних в России.

Ключевые слова: правовой статус, несовершеннолетние, генезис.

Защита детства и поддержка семьи закреплены в качестве одного из основных национальных приоритетов в норме статьи 7 Конституции Российской Федерации, в которой регламентируется, что в России как социальном государстве гарантируется и обеспечивается государственная поддержка семей, материнства, отцовства, детства.

Дальнейшее развитие данное положение получило в нормативно-правовых актах различного уровня и формы (как в качестве федеральных законов, так и в качестве специализированных документах стратегического планирования — например, Стратегия национальной безопасности РФ, Концепция государственной семейной политики до 2025 года).

Признание за несовершеннолетними самостоятельного конституционного статуса, характеризующегося специфическими чертами, обусловленными особым физиологическим и психологическим состоянием данной категории населения, является действительно одним из величайших достижений человечества, благом, присущим каждому цивилизованному правовому и демократическому государству. К великому счастью, современное состояние защиты прав детей продвинулось на сотни шагов вперед по сравнению с положением, характерным древности и средневековью человеческой цивилизации.

В Древности авторитарная власть родителей над детьми порождала возможность полного распоряжения жизнью своего ребенка родителями. На существование этой проблемы эпохи раннего развития Российского государства отмечают множество ученых. Так, Хмелевский С. В. пишет о том, что на протяжении достаточно длительного промежутка времени общество не воспринимало детей полноправными его членами,

превалировало «пренебрежительно-утилитарное отношение» к ним [6, с.295]. В подтверждение наличия факта таких взаимоотношений между обществом и детьми можно привести древний обычай, согласно которому младенцев с какими-либо отклонениями и физическими недостатками просто убивали как «неугодных» государству. Об этом писал еще известный древнегреческий философ Плутарх [4, с.101]. Более того, этот обычай, по-настоящему жестокий и недемократичный, в Римском государстве получил законодательное закрепление в Законе XII таблиц, согласно Таблице IV убивали младенцев, отличавшихся «исключительным уродством» [7, с.25–26]. Позднее, в Институции Гая также перешел этот древний жестокий обычай. В Титуле V содержалось положение о том, что дети с физическими недостатками («имея вид противоположный человеческому роду или извращенный») не считались детьми.

С развитием римской государственности, усложнением общественных отношений и уклада жизни, постепенно в общество приходит мысль о том, что жизнь ребенка представляет собой особую ценность, значимость. В связи с чем в императорский период Римского государства был введен запрет на убийство детей до 3х летнего возраста. Законодательство императорского периода Римского государства закрепляло защиту некоторых имущественных прав несовершеннолетних лиц, что являлось объективной необходимостью, поскольку, как отмечал известный древнеримский юрист Ульпиан, у несовершеннолетних лиц «рассудительность является шаткой и непрочной и подвержена возможностям многих обманов».

На протяжении большей части истории развития нашего государства, правовой статус несовершеннолетних представлял собой очень размытое с юридической точки

зрения явление, учеными постоянно подвергалось сомнению наделение ребенка статусом самостоятельного субъекта права. С момента принятия Русью христианства до периода установления советской власти регулирование статуса ребенка основывалось больше на религиозных началах, нежели на правовых.

В праве Русского государства первые отголоски законодательного урегулирования правового статуса и положения детей можно увидеть в таком древнейшем памятнике права как Русская Правда. В ней были закреплены такие права детей как, например, право наследования имущества от умершей матери сыновьями и дочерьми (пункт 106 Русской Правды). Детерминирующим фактором признания за несовершеннолетними некоторых субъективных прав является крещение Руси, после которого в общественно-правовой жизни русского государства преобладали церковные, христианские идеи, в силу чего многие языческие древние жестокие обычаи канули в лету.

В известном памятнике русской литературы XVI века «Домострое» содержалось положение о том, что дети должны полностью подчиняться своим родителям, повиноваться им во всем, родителям было разрешено строго наказывать детей за непослушание [2, с.51].

Особый научный интерес в контексте рассмотрения эволюции защиты прав детей и формирования конституционно-правового статуса несовершеннолетних представляет изучение юридической мысли XIX столетия. Так, например, в проекте конституции Российской империи известного декабриста П. И. Пестеля мы можем выделить следующие особенности правового статуса детей. Во-первых, в связи с сословным характером общества России той исторической эпохи отношение к несовершеннолетним дифференцировалось в зависимости от сословия, соответственно, таким же образом осуществлялась и защита прав детей. Во-вторых, до достижения 20-летнего возраста совершеннолетия предполагалась полная личная власть родителей над детьми. Положение детей, в том числе разграничение правового статуса законных и незаконнорожденных детей закреплялось в Главе V Русской Правды П. И. Пестеля. Хотя рассматриваемый проект Конституции и носил относительно демократический характер, в отношении защиты конституционных прав детей коренных преобразований не предполагалось.

Большую ясность в правовое положение и конституционный статус несовершеннолетних лиц в Российской империи XIX века вносит труд замечательного русского юриста того же периода К. П. Победоносцева. Часть вторая Курса гражданского права посвящена именно брачно-семейным и наследственным отношениям. Изучая указанный научный труд, мы убеждаемся в том, что и в этот исторический период развития Российского государства власть родителей над детьми сохраняется, пусть и не в полной мере как это было, например, в древности. Подтверждением этого тезиса можно обозначить наличие у родителей права использовать «домашние исправительные меры», а если они не увенчиваются успехом, то, как пишет К. П. Победоносцев, они могут

детей, не состоящих в государственной службе, за упорное неповиновение, развратную жизнь и другие явные пороки заключить в тюрьму на срок от 2 до 4 месяцев [5]. Право детей на защиту от всевластия родителей было ограничено запретом подавать иски.

Однако, обречение родителями детей в монашество не имело юридической силы, они имели возможность лишь отдавать детей на временное обучение.

Законодательство России периода XIX столетия запрещало нанимать детей на работу без согласия родителей, также несовершеннолетние не могли вступить в брак без такого согласия. Эта норма, эволюционировав, перешла и в современное российское законодательство. Связано это, прежде всего, с необходимостью реального и эффективного обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, которые самостоятельно в части трудовых и брачных правоотношений зачастую в силу своей неопытности, неграмотности не могут этого осуществить.

С аналитико-правовой точки зрения представляется интересным тот факт, что в судебном разбирательстве родители могли давать свидетельские показания против своих детей, однако, в обратную сторону это правило не работало — детям было запрещено давать свидетельские показания против своих родителей. Очевидно, это связано с христианской моралью о почтении и уважении детьми своих родителей, а также со все еще преобладающей в семейных правоотношениях личной властью родителей над детьми.

Как отмечает К. П. Победоносцев, личная власть родителей по достижении их детьми совершеннолетнего возраста не исчезает, она трансформируется в иной вид. Несмотря на то, что дети получали возможность совершения самостоятельных действий, все равно требовалось согласие на определенные действия.

В эпоху Советского союза правовое положение детей базировалось на том принципе, что государство предпринимало попытки установить тотальный контроль над всеми сферами жизнедеятельности советского общества, в том числе и в сфере брачно-семейных отношений. Кроме того, учитывая атеистскую идеологию, господствовавшую в рассматриваемый период развития нашего государства, можно констатировать факт того, что религиозные идеи, догмы, касающиеся воспитания детей, перешли из-под влияния церкви в «руки партии». Как совершенно верно отмечает Капитонова Е. В., в эпоху советской власти ребенок превратился из «объекта родительской власти в объект государственной политики» [3, с.99]. Из этого следует логический вывод о том, что в этой связи и правовой статус несовершеннолетних в Советском Союзе диктовался интересами государственной политики, а не демократическими ценностями. Учитывая менталитет Советского государства, особенности его функционирования, некоторыми учеными отмечается, что родители в эпоху советской власти рассматривались в качестве временных воспитателей своих детей [1, с.27].

Большим шагом в развитии правового статуса несовершеннолетних послужила ратификация Советским Союзом в 1990 году Конвенции ООН о правах ребенка,

тем самым приняв на себя обязанность имплементировать положения данного международного акта в нормы национального законодательства. С этого момента эволюция правового статуса несовершеннолетнего и защиты его конституционных прав происходит в русле признания несовершеннолетнего в качестве самостоятельного субъекта права.

По сей день, однако, существует проблема в определении баланса конституционных прав и обязанностей ребенка. В Конституции Российской Федерации содержится относительно немного норм, раскрывающих статус несовершеннолетних. По сути, отдельных специальных норм, закрепляющих конституционно-правовой статус несовершеннолетних, мы практически не наблюдаем. Можно отметить только две группы положений, косвенно раскрывающих содержание правового статуса рассматриваемой категории населения. С одной стороны, нормы Конституции РФ, которые регулируют положения человека и гражданина, соответственно, относятся и к несовершеннолетним (например, норма статьи 20 — «каждый имеет право на жизнь»). С другой стороны, в Конституции РФ есть несколько правовых норм, при телеологическом понимании которых можно судить о закреплении в них правового статуса несовершеннолетних. Например, положение пункта 2 статьи 43 Конституции РФ говорит о том, что в нашей стране государством гарантируются и обеспечиваются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных

образовательных учреждениях и на предприятиях. Учитывая специфику каждой ступени образования, можно говорить о том, что данная норма также является содержанием конституционно-правового статуса несовершеннолетних, хотя прямо на отношение этой нормы к группе несовершеннолетних лиц и не указано.

Таким образом, проанализировав эволюционное развитие правового статуса несовершеннолетних в Российской правовой действительности, мы видим, что с историческим развитием конституционный правовой статус данной категории лиц претерпел значительные правовые модификации: от полного отсутствия и непризнания обществом прав ребенка до становления несовершеннолетнего частью социума с наличием своих собственных прав и свобод. Как уже было отмечено выше, исторический опыт показывает, что правовой статус несовершеннолетнего напрямую зависел от степени развития общества и государства, а также от роли несовершеннолетнего, отводимой ему данным обществом и данным государством.

Ретроспективное исследование правового статуса несовершеннолетних в нашем государстве показывает положительную динамику эволюции правового положения данной категории лиц в российском обществе — от самых жестоких и недемократичных форм отношения общества к несовершеннолетним до современных, гуманных, обусловленных более внимательным отношением государства к данной группе населения в силу учета их психологических и физиологических особенностей.

Литература:

1. Абрамов, В. И. Права ребенка в России (теоретический аспект). — Саратов: Издательство Саратовская гос. академии права, 2005. — 312 с.
2. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова и М. В. Пименовой. — Москва: Сов. Россия, 1990. — 304 с.
3. Капитонова Е. В. История развития правового статуса несовершеннолетних и проблемы его современного регулирования в Конституции РФ. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — № 4. — 2008. — С. 96–102.
4. Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. Том 1. Пер с древнегреч. /Сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской. — М., 1990. — 592 с.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. — М.: <Статут>, 2003. — 639 с. (Классика российской цивилистики). Электронный ресурс. — http://civil.consultant.ru/elib/books/16/page_24.html#28 (дата обращения — 15.01.2019).
6. Хмелевский С. В. Международно-правовая защита детей с древности до начала второй мировой войны. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2012. — С. 295–298.
7. Хрестоматия по истории Древнего мира. В трех томах. Под ред. акад. В. В. Струве, М., 1953. — 594 с.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Конституция как основополагающий источник административно-правового регулирования

Некрасова Анастасия Дмитриевна
Орловский государственный университет, студент

Ключевые слова: Конституция, Российская Федерация, административно-правовое регулирование, гражданин, органы власти, административно-правовые отношения, местное самоуправление, обращения граждан.

12 декабря 2018 года Конституции Российской Федерации исполнилось 25 лет. Именно в 1993 году был принят основной нормативно-правовой акт Российской Федерации. Данная дата является особенным днём для нашей страны и ее правовой системы, и конечно это повод для подведения промежуточных итогов эффективности действия Конституции за прошедшие годы.

По данным социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, 61 % опрошенных россиян считают Конституцию Российской Федерации документом полностью или скорее отвечающим нуждам страны и закрепляющим основные права и свободы ее народа [1].

Впервые Россия провозгласила права и свободы человека в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г [2]. А в 1993 г. эти права получили более глубокое развитие в Конституции Российской Федерации [3], которая весьма органично вписала в российскую правовую систему международно-правовые стандарты. На ее положения основываются все отрасли права отечественной правовой системы. В их список входит и административное право, которое является одной из важнейших отраслей, тесно связанных с конституционным правом. Это обусловлено тем, что посредством механизмов административно-правового регулирования, в конечном счете, реализуются конституционные права и свободы граждан России.

В целом, понятие «право гражданина» понимается как требования общества, которые должны реализовывать государственные управляющие организации [4, с.505].

Более того, концептуальная установка Конституции указывает на то, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл и содержание законов, а также деятельности законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Конституционные права, свободы

и обязанности для своей реализации нуждаются в административно-правовом механизме, участии органов исполнительной власти, всей системы органов государственного управления.

Здесь возникает логичный вопрос. А как же граждане смогут реализовать и защитить свои конституционные права и свободы? Сделать это можно следующим образом: путем обращения в органы власти Российской Федерации и органы власти субъектов Российской Федерации. Данный процесс подразумевает под собой создание административно-правовых отношений, являющихся элементом административного права. Административно-правовые отношения представляют собой отношения, участники которых наделены субъективными правами и юридическими обязанностями в рамках административного права и, обязательно, с учетом основных положений Конституции. Особенность таких отношений накладывает определенный отпечаток на поведение их участников; их обязанности и права непременно связаны с практической реализацией исполнительной власти в центре и на местах [5].

Мы видим, что власть, в том числе и исполнительная, остаётся главным гарантом конституционных прав, и единственным «центром», к которому обращены надежды подавляющего большинства граждан России.

В современном мире люди регулярно взаимодействуют с органами власти. Они обращаются с тем, чтобы обжаловать решения должностных лиц; зарегистрировать свое транспортное средство; получить льготы и соответствующие выплаты, паспорт, водительское удостоверение; застраховать свою жизнь и имущество и прочее. Таким образом, они становятся субъектами административно-правовых отношений, основанных на положениях и принципах Конституции, без которых на данный момент невозможно функционирование как человека, так и гражданина.

В деятельности органов власти особое место занимает работа с обращениями граждан. Под обращением

понимаются направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменное предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина. Право на обращение закрепляется в Конституции Российской Федерации [3, ст. 33].

Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Глава вторая Конституции как раз и содержит право, которое дает возможность выступить гражданам и коллективам с жалобами либо инициативами в органы власти. Это положение закрепляет право на свободу мысли и слова. В этой связи принципиальное значение для обеспечения права граждан на обращения приобретает конституционная гарантия, согласно которой никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них [3, ст. 29]. Устанавливаются также гарантии и свободы массовой информации. Очевидно, что такие гарантии в сочетании с правом граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию в соответствии с законом предполагает наличие права у гражданина на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления посредством СМИ. Более того, согласно статье 32 Конституции, граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей [3, ст. 32]. Данное положение теснейшим образом связано с таким политическим правом, как право на объединения. Такие объединения преследуют своей целью удовлетворение социально-экономических и культурных потребностей граждан нашей страны, а также участие в осуществлении политической власти. Следующее конституционное право граждан, дающее возможность взаимодействия с властными субъектами административно-правовых отношений, это, конечно же, право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги

и демонстрации, шествия и пикетирование [3, ст. 31]. Основной задачей граждан при этом будет привлечение внимания органов власти к общественно значимой проблеме. В качестве ответа соответствующие органы выносят либо решение, которое удовлетворяет требования граждан, либо, которое не удовлетворяет их.

Несмотря на эффективность деятельности института судебного обжалования решений соответствующих органов и их должностных лиц, все-таки основным остается административный порядок рассмотрения обращений граждан. Как уже отмечалось выше, это в любом случае, влечет за собой вступление граждан в административно-правовые отношения. В соответствии с Конституцией РФ, государственной защите подлежит любое из общепризнанных прав, если даже оно и не закреплено законодательно. Из этого следует, что граждане вправе защищать свои нарушенные права либо требовать возможности их реализации, как в судебном, так и в административном порядке.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что значение Конституции для нашего государства очень велико. Она является одним из источников любой нормативно-правовой базы любой отрасли права. Не исключением будет и административное право. Ведь положения Конституции охватывают все сферы взаимодействия народа с государством. Это особый документ, без норм которого, административно-правовые отношения, как и любые другие, не будут существовать. Ее роль заключается в том, что она вносит порядок и организацию в общественную жизнь.

Действующая Конституция Российской Федерации обладает высокой степенью устойчивости и длительностью действия, что говорит о ее стабильности. Она является, в настоящее время, второй по сроку действия после Конституции 1937 года, которая прослужила государству 40 лет [6]. Надеемся, что ныне действующий Основной закон также прослужит нашему государству еще многие годы.

Литература:

1. ВЦИОМ: 52 % россиян считают нужным внести изменения в Конституцию // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3494414> (дата обращения: 12.01.2019)
2. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920–1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/ (дата обращения: 12.01.2019)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.01.2019)
4. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян — М.: Юстицинформ, 2015. — 640 с.
5. Понятие, виды и структура административно-правовых отношений // LawbookOnline. URL: <https://lawbook.online/administrativnoe-pravo-rossii-kniga/ponyatie-vidyi-struktura-administrativno-66742.html> (дата обращения: 12.01.2019)
6. Конституция (основной закон) РСФСР (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Конституция. Гарант. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Правовое регулирование института самовольного строительства в российском законодательстве

Брагина Анастасия Максимовна, студент магистратуры
Российская академия адвокатуры и нотариата (г. Москва)

Ключевые слова: самовольная постройка, земельный участок, самовольное строительство, Российская Федерация, ГК РФ, норма, недвижимое имущество, действующее законодательство, Гражданский кодекс, жилой дом, местное самоуправление

Институт самовольного строительства, закрепленный в Гражданском кодексе Российской Федерации, а именно в разделе, который касается приобретения права собственности на вещи, в статье 222, имеет глубокие исторические корни, ведущие к ещё римскому праву.

Если анализировать нормы о самовольном строительстве в России, то положения о самовольном строительстве были закреплены ещё в дореволюционном законодательстве, при этом в указанный период важное значение имела принадлежность земли определённому лицу. То есть, например, если земля принадлежала одному лицу, а строительный материал, из которого было построено незаконно возведённое самовольное строение другому лицу, то право собственности возникало у собственника земли, о чем говорил Свод законов Российской империи [1, с. 34].

Самовольная постройка являлась принадлежностью к главной вещи, которой являлась земля. Собственник земельного участка обязан был возместить лицу, которое возвело самовольную постройку на чужом земельном участке стоимость использованных материалов. Важно учитывать, что в случае отказа собственника земли от возмещения стоимости материалов собственник этих материалов был вправе отделить эти материалы от земельного участка.

Можно говорить о том, что самовольная постройка рассматривалась как некая совокупность материалов, которую в дальнейшем возможно было отделить как улучшение, за исключением случаев, когда такое отделение могло повлечь за собой ущерб назначению земельного участка. В связи с этим автор настоящей статьи полагает, что самовольная постройка в том числе с учётом анализа действующего законодательства представляет собой не самостоятельный объект недвижимого имущества и способ приобретения права собственности на вещь, а некую совокупность материалов и финансовых, трудовых вложений, позволяющих отнести результат этих вложений к недвижимости, при наличии

признаков, которыми судебная практика и законодательство наделяет вещь, характеризуя ее как недвижимую. При этом такая самовольная постройка может быть отнесена как к жилым, так и нежилым зданиям, сооружениям.

Также необходимо отметить, что в истории формирования института самовольной постройки важную роль играла добросовестность застройщика, в настоящее время этот признак тоже имеет значение, например, при исчерпании застройщиком всех средств получения разрешения на строительство. Недобросовестное владение по законодательству, действовавшему до 1917 года, лишало застройщика права на получение вознаграждения.

Нормы о самовольном строительстве содержались и в законодательстве, действовавшем в период существования СССР. В частности, одним из значимых актов в отношении самовольной постройки был принят в 1940 году — Постановление «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках». Указанным постановлением на застройщика, который незаконно возводил самовольное строение, возлагалась обязанность по сносу постройки. На такой снос застройщику устанавливался определенный срок, который равнялся одному месяцу. Неисполнение обязанности по сносу самовольной постройки означало переход обязанности по сносу такой постройки в отдел коммунального хозяйства. [2] Указанное постановление представляет особый интерес, в том числе для исследования текущего правового регулирования самовольной постройки, поскольку оно является действующим и подлежит применению в той части, в которой не противоречит ныне действующему законодательству о самовольном строительстве.

Формировавшееся в конце 20-го века новое гражданское законодательство не упускало из предмета своего правового регулирования самовольное строительство. Правовое регулирование статуса, режима самовольной постройки осуществлялось всегда, прежде всего, такие

нормы содержались в кодифицированном гражданском законодательстве.

Так, например, Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. понимал под самовольной постройкой возведение жилого дома или дачи, либо их частей без установленного разрешения, без утверждённого проекта, либо существенными отступлениями от проекта, либо с грубым нарушением основных строительных норм и правил. При этом разрешение на строительство включало в себя несколько элементов. Во-первых, оно предполагало наличие соответствующего разрешения об отводе земельного участка, во-вторых, наличие плана по определению границы в натуре, а также иных правоустанавливающих документов на земельный участок [3].

Нормы действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) в части самовольного строительства подвергались неоднократному изменению, однако, неизменно самовольная постройка находится в поле зрения законодателя, рассматриваясь и как способ приобретения права собственности на вещь, и как правонарушение, то есть создание этой вещи без необходимых на то разрешений, в отсутствие права на земельный участок и т. д. Двойственная природа самовольной постройки подтверждается и параллельным внесением двух законопроектов в Государственную Думу (касательно изменения редакции ст. 222 ГК РФ (законопроект получил статус закона в августе 2018 г.) и административных методов воздействия на нарушителей законодательства в сфере самовольного строительства).

Однако необходимо отметить, что ныне действующая редакция ст. 222 ГК РФ исключила из определения самовольной постройки жилой дом, и в целом понятие существенно модернизировалось, сохранив в себе ранее имевшиеся признаки, но защищая интересы застройщиков, в том числе от несовершенства существующих реестров и кадастров в отношении зон с особыми условиями использования и т. д.

Как ранее было отмечено, положения о самовольном строительстве содержатся в ГК РФ, однако, данная статья предусматривает понятие, признаки самовольной постройки, а также случаи признания права собственности на такую самовольную постройку, содержит требования, при отсутствии которых самовольная постройка подлежит сносу.

Тем не менее необходимо учитывать, что институт самовольной постройки регулируются не только нормами, установленными статьей 222-й ГК РФ, но и иными нормативными правовыми актами, в том числе нормами, которые были приняты в РСФСР. Это подтверждается следующим.

Одним из признаков самовольной постройки является создание её на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке либо разрешенное использование такого земельного участка не допускают строительство на нём данного объекта [4]. Указанный признак отсылает нас к нормам Земельного кодекса Российской Федерации, поскольку именно они регулируют порядок предоставления земельного участка на том или ином

праве, определяют возможность строительства конкретного объекта на земельном участке. Например, если лицу выделен земельный участок на землях сельскохозяйственного назначения или полевой земельный участок построить на нем жилой дом будет означать возведение самовольной постройки, поскольку даже при наличии оформленного в установленном порядке права на земельный участок не гарантирует возможность строительства на нем.

Также п.1 ст. 222 ГК РФ к ещё одному признаку самовольной постройки отнесено создание такого объекта без получения необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Данный же признак отсылает нас к нормам, установленным Градостроительным кодексом Российской Федерации, где чётко прописан порядок получения необходимых согласований и разрешения для осуществления строительства [5].

Кроме того, к нормам, регулирующим самовольную постройку, можно отнести и положения Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в статье 22-й установлены случаи, когда нормы о самовольном строительстве не применимы [6].

Также необходимо отметить, что действующее законодательство в части самовольного строительства устанавливает общие положения по административному порядку сноса самовольные постройки, то есть снос органами местного самоуправления. Однако действующим законом не предусмотрено чёткого алгоритма действий при обнаружении самовольной постройки. Такие алгоритмы или положения о порядке действий при выявлении самовольной постройки принимаются либо на уровне субъектов, либо на уровне муниципальных образований. Соответственно, порядок выявления и сноса самовольных построек может различаться в зависимости от субъекта или муниципального образования, что подтверждается выявленной несогласованностью в определении самовольной постройки. Полагаем, что порядок выявления и уведомления лиц, которые создали или возвели самовольные постройки должен быть единообразным на всей территории Российской Федерации.

Кроме того, нормы действующего гражданского законодательства — ст. 222 ГК РФ, предусматривая порядок административного сноса, говорят лишь о возможности принятия решения о сносе самовольных построек органами местного самоуправления, в тоже время К. И. Скловский называя установленный порядок административным сносом, поднимает вопрос о его допустимости, поскольку снос — это применение насилия, а насилие не может применяться в рамках искового процесса [7, с. 29].

Описанное выше демонстрирует, что самовольная постройка многоаспектный феномен, имеющий ряд проблемных сторон, что выражается в том числе и в систематическом обновлении норм, регулирующих самовольное строительство.

Говоря о правовом регулировании самовольной постройки необходимо отметить, что несмотря

на гражданско-правовую природу самовольная постройка может представлять собой результат действия норм нескольких отраслей российского законодательства, включающих в себя гражданское, земельное, отчасти конституционное, например, в части обеспечения права собственности определённого лица, а также результат действия норм градостроительного законодательства, в том числе различных строительных норм и правил. Подобное правовое регулирование может обеспечить соблюдение частных и публичных интересов только при слаженном взаимодействии.

Самовольная постройка как феномен, имеющий двойственную природу, регулируется не только нормами, закреплёнными в законодательстве. Важно учитывать, что на институт самовольной постройки существенное влияние оказывает судебная практика. В частности, важнейшее значение по формированию понятия самовольной постройки оказало совместное постановление Пленума Верховного суда и Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 10/22 [8]. Указанное определение сыграло огромную роль, поскольку разъяснениями высших судебных органов в понятие самовольной постройки включены не только объекты, строительство которых завершено, но и объекты незавершённого строительства, даны разъяснения в части получения разрешения на строительство и т. д.

Литература:

1. Свод Законов Российской империи. Том X.
2. Постановление СНК РСФСР от 22.05.1940 N 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» // СП РСФСР, 1940, N 11, ст. 48; 1962, N 19, ст. 98.
3. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР, 1964, N 24, ст. 407.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // Российская газета, N 290, 30.12.2004.
6. Федеральный закон от 30.11.1994 N 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, N 238–239, 08.12.1994.
7. Скловский К. И. О допустимости «административного сноса» самовольного строения // Закон, 2016. N 6. С. 29.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ, N 6, июнь, 2010.
9. Григорьева А. Г. История развития законодательства о самовольной постройке: Общество: политика, экономика, право. 2016.
10. Горшкова О. В. Виды и признаки самовольных построек / О. В. Горшкова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 3.

Важно учитывать, что на протяжении многолетнего периода эволюции института самовольной постройки из понятия самовольной постройки была исключена формулировка «жилой дом», также редакция статьи о самовольной постройке исключила упоминание о том, что самовольная постройка — это недвижимое имущество. В отношении данных новшеств А. Г. Григорьева считает, что неопределённость в вопросе об отнесении самовольной постройки к недвижимому имуществу противоречит сложившейся судебной практики, которые свидетельствуют о том, что судебными органами самовольной постройкой не признается объект, который не отвечает признакам недвижимого имущества [9].

О. В. Горшкова отмечает, что действующее правовое регулирование отношений самовольной постройки является продолжением всех традиций и норм, которые берут свое начало ещё из римского права, а в дальнейшем были пронесены через многолетнюю историю становления российского законодательства в отношении самовольной постройки [10].

Ряд исследователей отмечает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной области, однако, такое совершенствование должно происходить только при оптимальном сочетании, прежде всего, частных и публичных интересов, а также сочетании экономических, социальных и политических интересов.

Защита добросовестных застройщиков: обзор новых правил о самовольной застройке

Брагина Анастасия Максимовна, студент магистратуры
Российская академия адвокатуры и нотариата (г. Москва)

Ключевые слова: *Российская Федерация, самовольная застройка, Гражданский кодекс, местное самоуправление, самовольное строительство, правовое регулирование, недвижимое имущество, внесение изменений, действие норм, компетенция органов, защита прав, признак самовольности, правоприменительная практика.*

В 2016 году состоялось заседание Государственного Совета по вопросам развития строительного комплекса и совершенствования градостроительной деятельности, в рамках которого был подготовлен перечень поручений, утвержденный Президентом Российской Федерации, включающий в себя задачу по совершенствованию механизма государственного строительного надзора и порядка сноса объектов самовольного строительства [1].

Поставленная задача ознаменовала начало новой работы по модернизации положений Гражданского кодекса Российской Федерации в части регулирования самовольного строительства.

Самовольные застройки явились следствием распространения стихийного строительства в различных регионах Российской Федерации, а также результатом длительных и сложных процедур, направленных на получение необходимой разрешительной документации.

Модернизация положений о самовольной застройке является продолжением изменений, трансформировавших правовое регулирование самовольной застройки, внесенных Федеральным законом от 13.07.2015 N 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Основной задачей, стоявшей перед законодателем, явилось установление нового понятия самовольной застройки с целью защиты тех застройщиков, здания и сооружения, возведенные и построенные которыми, не могут быть отнесены к самовольным в силу определенных обстоятельств.

Как утверждает Л. В. Чиконова, наличие множества подходов к понятию самовольной застройки, как в законодательном плане, так и в научных кругах, вызывают затруднения в его применении на практике [2, с. 105], в результате чего понятие самовольной застройки требует модернизации и четкой дефиниции.

Произошедшие изменения в понятии самовольной застройки, прежде всего, связаны с временными рамками действия существующего законодательства, а именно, самовольность возникает только в том случае, если такие требования о получении согласований, разрешений и прочего были установлены на дату начала строительства и действуют на дату выявления самовольной застройки. На наш взгляд, подобное уточнение действия законодательства является целесообразным и необходимым, поскольку лица, которые намерены возводить и создавать

здания или сооружения, должны четко понимать какие нормы будут распространяться на отношения в случае возведения самовольных построек.

Кроме того, такое уточнение необходимо и в целях улучшения правоприменительной практики, поскольку на момент выявления самовольной застройки может действовать одна норма, признающая объект самовольной застройкой, а на момент возведения либо на момент рассмотрения спора в суде другая, в результате чего не установление подлежащей применению редакции ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) может привести к неправильному применению норм материального права, на что указывается, например в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.08.2016 N Ф03-3600/2016 по делу N А51-22911/2015. [3]

Необходимо отметить, что согласно Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (в части уточнения положений о самовольных постройках)» основной задачей, стоящей перед законодателем, являлось изъятие из под действия норм о самовольной застройке тех зданий и сооружений, которые построены и возведены застройщиками легальным способом, в частности это касается тех случаев, когда в отношении земельного участка действует какое-либо ограничение, вследствие которого возведение здания либо сооружения на нем невозможно, однако, застройщик не знал и не мог знать о действии таких ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка [4]. Новая норма указывает на отсутствие у застройщика умысла на нарушение действующих норм гражданского, градостроительного, санитарного и иного законодательства, то есть такой застройщик является добросовестным, в результате чего к нему не могут быть применены санкции за самовольное строительство, так как такие здания и сооружения не являются самовольными постройками.

Новая редакция п. 1 ст. 222 ГК РФ устанавливает определенные защитные механизмы в отношении лиц, застройки которых могут подпадать под признаки самовольности, но в силу установленных законом обстоятельств изъяты из-под действия указанной нормы.

Новым законом напрямую указывается, что использование самовольной застройки не допускается [5]. Насколько данное установление являлось необходимым, на наш взгляд, не понятно, так как сам факт наличия самовольной застройки исключает ее использование,

а самовольная постройка подлежит либо сносу, либо приведению в соответствие с установленными законодательством требованиями.

Представляется, что новая редакция ст. 222 ГК РФ в большей степени направлена на защиту интересов и прав застройщиков. Помимо ранее указанных положений важным нововведением является обеспечение прав и интересов лиц, право собственности на объекты, которые в дальнейшем признаются самовольными постройками, зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости.

Так п. 4 ст. 222 ГК РФ установлено, что органы местного самоуправления в любом случае не вправе принимать решение о сносе самовольной постройки либо решение о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями в отношении объекта недвижимого имущества:

- право собственности на который зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости;
- право собственности признано судом в соответствии с пунктом 3 статьи 222 ГК РФ;
- в отношении, которого ранее судом принято решение об отказе в удовлетворении исковых требований о сносе самовольной постройки;
- в отношении многоквартирного дома, жилого дома или садового дома.

Эта норма, в том числе исходит из правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации, в соответствии с которой государство в лице уполномоченных законом органов и должностных лиц, действующих при осуществлении процедуры государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основе принципов проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра подтверждает тем самым законность совершения сделки по отчуждению объекта недвижимости. Проверка же соблюдения закона при совершении предшествующих сделок с недвижимым имуществом со стороны приобретателя этого имущества в отличие от государства в лице Росреестра зачастую существенно затруднена или невозможна [6]. Указанная правовая позиция — обоснование принятой нормы согласно Пояснительной записке к действующему закону.

Новые нормы, как уже отмечено, изъяли из компетенции органов местного самоуправления принятие решения о сносе ряда самовольных объектов. Мы поддерживаем позицию законодателя, прежде всего, потому что в случае регистрации права собственности на такой объект в ЕГРН была проведена правовая проверка сотрудниками Росреестра, и соответственно, снос постройки представляет собой лишение права собственности конкретного лица, которое в силу определенные причин не может быть произведено органами местного самоуправления. Кроме того, важно разобраться, почему объект, зарегистрированный в ЕГРН, перестал отвечать признакам законно возведенной постройки, отвечал ли он таким признакам на момент создания и регистрации, либо на момент регистрации он отвечал признакам самовольности, и право собственности зарегистрировано

незаконно. Данные факты требуют установления, очевидно, не органами местного самоуправления, а более компетентным органом в правовых вопросах — судом. Аналогичные доводы могут быть приведены и в отношении случаев, когда право собственности на самовольную постройку признано судом либо в случае отказа в признании постройки самовольной. Очевидно, что факты установления наличия признаков самовольной постройки и решения вопроса ее сноса, повторимся, относятся к компетенции суда.

Новая редакция ст. 222 ГК РФ видоизменила компетенцию органов местного самоуправления в отношении самовольных построек, запретив принимать решения о сносе построек в ряде случаев, что придало большую правовую защищенность правам и интересам граждан.

Важной гарантией лиц, которые возводят объекты индивидуального жилищного строительства на землях, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, на землях населенных пунктов (дачные и садовые участки, ЛПХ) стал Федеральный закон от 30.11.1994 N 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в редакции от 03.08.2018, согласно положениям которого решение о сносе постройки либо приведение ее в соответствии с необходимыми параметрами не может быть принято при наличии одновременно следующих условий:

1) права на эти объекты, жилые дома, жилые строения зарегистрированы до 1 сентября 2018 г.;

2) параметры этих объектов, жилых домов, жилых строений соответствуют предельным параметрам разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, установленным правилами землепользования и застройки, и (или) предельным параметрам таких объектов, жилых домов, жилых строений, установленным федеральным законом;

3) эти объекты, жилые дома, жилые строения расположены на земельных участках, принадлежащих на праве собственности или на ином законном основании собственникам этих объектов, жилых домов, жилых строений [7].

Кроме того, названным законом установлены дополнительные гарантии для религиозных учреждений, а именно, как мы уже знаем, к имуществу религиозного назначения, а также предназначенным для обслуживания имущества религиозного назначения и (или) образующих с ним единый монастырский, храмовый или иной культовый комплекс, не применяются правила, установленные ст. 222 ГК РФ.

Также следует отметить, что если в отношении всех самовольных построек в соответствии с новыми правилами действует запрет на их использование, то в отношении религиозных организаций установлено, что они вправе использовать самовольные постройки в случае ответственности таких построек требованиям, установленным Правительством Российской Федерации. Кроме того, если такие самовольные постройки не отвечают указанным требованиям, их использование религиозными организациями допускается до 2030 года.

Из проведенного анализа новых норм ст. 222 ГК РФ [8] усматривается, что законодатель постарался установить

такое правовое регулирование, которое, прежде всего, обеспечивало бы защиту прав и интересов лиц, возводящих самовольные постройки, установив дополнительные гарантии для их защиты, что является безусловно положительным моментом в условиях ужесточения контроля за ведением строительства как физическими, так и юридическими лицами. Новеллы 2018 года в части самовольной постройки предоставляют дополнительные возможности для лиц, создавших здания и сооружения, сохранить постройки и право собственности на них. Это выразилось и в запрете административного порядка сноса постройки, которая расположена на землях, находящихся в частной собственности, за исключением случая, при котором сохранение постройки создает угрозу жизни и здоровью людей, и в запрете органам местного самоуправления принимать решения о сносе в отношении ряда установленных законом случаев и т. д. Как утверждал П. Крашенинников, подобные установления позволяют

сузить полномочия в этом вопросе органов местного самоуправления, повышая при этом гарантии судебной защиты. [9]

Принятые меры позволят защитить права граждан в части признания возведенных построек самовольными, улучшить действующий механизм, что как также отмечал П. Крашенинников, особенно важно для собственников жилой недвижимости.

С момента введения в действие Федерального закона от 03.08.2018 N 339-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» прошло не так много времени, чтобы можно было оценить реальные изменения в правоприменительной практике, однако, сам факт введения в действие новой редакции ст. 222 ГК РФ позволит формировать новую правоприменительную практику.

Литература:

1. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/52154> // Дата обращения 04.11.2018;
2. Чиконова Л. В. Некоторые проблемы применения дефиниции «самовольная постройка» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. N 2. С. 104–113;
3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.08.2016 N Ф03–3600/2016 по делу N А51–22911/2015 // СПС КонсультантПлюс;
4. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (в части уточнения положений о самовольных постройках)» // <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 01.11.2017;
5. Федеральный закон от 30.11.1994 N 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3302;
6. Постановление от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» // Собрание законодательства РФ, 03.07.2017, N 27, ст. 4075;
7. Федеральный закон от 03.08.2018 N 339-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.08.2018, N 32 (Часть II), ст. 5132;
8. Федеральный закон от 13.07.2015 N 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, N 29 (часть I), ст. 4384;
9. URL: http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/16222576 // Дата обращения 04.11.2018;
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

Как изменится гражданский процесс, если судьями станут роботы

Васильева Екатерина Игоревна, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются проблемные аспекты внедрения в судебный процесс инновационных технологий с применением искусственного интеллекта, рассматриваются точки зрения ученых — правоведов на возможность участия машин в отправлении правосудия, а также ведётся рассуждение о целесообразности и необходимости таких нововведений.

Ключевые слова: судебный процесс, внедрение роботов, роботизация правосудия, искусственный интеллект, информатизация судебного процесса.

Все мы знаем, что одно из самых актуальных проблем развития гражданско-процессуального законодательства на сегодняшний день является проблема его ускорения. Рассматривать данную проблему можно с разных сторон. Но я хотела бы акцентировать внимание именно на взаимосвязи информатизации и ускорения гражданского процесса. Мне, как студенту юридического факультета, всегда интересно читать работы, научные статьи, в которых известные учёные, практикующие специалисты юриспруденции высказывают свои предположения о том, как в будущем будет развиваться выбранная мною специальность. На этот раз моё внимание привлекла работа Михаила Ивановича Клеандрова «Размышления на тему: может ли судей быть робот?». На первый взгляд тема может показаться весьма своеобразной, ведь в нашем сегодняшнем представлении не существует технологий, которые могли бы соревноваться с мыслительными способностями человека, особенно в данной профессии. Но если вспомнить о том, что первые конструкции внешне напоминающие человека появились около 90 лет назад, а уже сегодня в мире существуют роботы — астронавты, роботы — милиционеры и т. д., то данная тема перестаёт казаться столь далёкой от современного положения дел.

В своей статье Михаил Клеандров расписывает, словно «за» и «против» факты, которые могут повлиять в будущем на внедрение машин в отправлении правосудия. Рассматривает «механизацию судебного процесса» с *материально технической стороны*, в том числе возможность отказа от высокого уровня заработных плат большому количеству задействованных сегодня в этой специальности людей, равно как и отказа от самого большого количества людей (ведь в этом случае не идёт речи о коллегияльности, о суде присяжных и т. д.); также он отмечает существенную *экономии времени*, которая невозможна сейчас, учитывая многие человеческие факторы (праздники, выходные, не говоря уже о больничных и чрезвычайных случаях). В противовес всему вышеназванному, автор отмечает, что ни одна машина, сколь бы инновационной она не была, не сможет воспринимать абсолютно все материалы дела: «Судья-человек информацию по делу воспринимает непосредственно от участников процесса не только в форме устных показаний, но и наблюдая вазомоторные реакции, мимику и жесты, эмоциональный настрой, манеру держаться, моторику движений и прочее допрашиваемого в судебном процессе, что не передается электронным путем и недоступно судье-компьютеру» [3, с. 112]. Ну и, конечно же, отправлении правосудия невозможно без (на сегодняшний день) чисто человеческих качеств. Ещё В. Д. Зорькин говорил, что «нормы нравственности (т. е. общественной морали), нормы индивидуальной морали и нормы права, которые в своей совокупности определяются религиозной традицией или светской идеологией, укоренены в культуре и созвучны душе каждого нормального человека (т. е. человека, чья личная мораль не диссонирует с общественной моралью и правом как нормой свободы). Общий знаменатель для этих норм — представление человека и общества о справедливом, как о благом и должном» [2, с. 2]. Напоследок, Клеандров разбирает соотношение

понятий справедливости и справедливого правосудия. Категория справедливости настолько иррациональна, что никогда не смогла бы подвергнуться кодированию в какую-либо программу. Человек воспринимает справедливость исключительно согласно чувствам и ощущениям, поэтому требование справедливого правосудия становится столь же иррациональным. Забавно, что робот может быть способен на многое, но уж точно не на иррациональность.

Проанализировав данную статью и многие похожие статьи, в том числе работу Браво-Хуртадо Пабло «Автоматизация отправления правосудия: обращение к трём ошибочным суждениям об искусственном интеллекте», а также работу Коршунова Виктора Викторовича «Робот-судья: за и против», я заметила один момент. Делая акцент на недостатках и преимуществах роботизации судебного процесса, нигде не говорится ни слова о том, что сам процесс (в знач. порядок разбирательства судебных дел» [4, с. 306]) при этом изменится в корне.

Если говорить о самой процедуре проведения судебного заседания — изменения претерпят все правила, начиная от статьи 158 ГПК РФ «Порядок в судебном заседании», заканчивая тем, что придётся ввести ряд отдельных положений, которые, видимо, будут интегрировать нормы права и правила технического обеспечения. Конечно, в данном случае речь не идёт о внедрении каких-либо вспомогательных программ, заложенных в компьютер, которые облегчали бы деятельность судов в части организации судебного процесса, хранения информации, информирования участников дела и т. д. На современном этапе развития технологий уже можно рассуждать о внедрении реального робота — антропоморфного, обладающего искусственным интеллектом и способного реально участвовать в заседаниях с участием людей. Некоторые считают, что при условии понимания роботом человеческой речи он сможет работать с логическими доводами сторон, аргументами и доказательствами. Такая машина с технической точки зрения способна объективно функционировать, по крайней мере, в сфере прецедентного права. К тому же в некоторых случаях, например в анти-трестовских делах, судья-робот способен провести количественный экономический анализ для определения степени виновности.

Несмотря на целый ряд преимуществ робота, его положительные качества и потенциальные возможности, механический судья у многих вызовет как минимум чувство неуверенности и дискомфорта. Проиллюстрирую то, о чем говорю на примере части 1 статьи 158 ГПК РФ. Она гласит: «При входе судей в зал судебного заседания все присутствующие в зале встают. Объявление решения суда, а также объявление определения суда, которым заканчивается дело без принятия решения, все присутствующие в зале заседания выслушивают стоя». История такой обязанности проста и банальна — тем самым граждане проявляли уважение к суду, данное правило всегда считалось нормой приличия. Но каждый опытный судья знает, что данная традиция нечто большее, чем просто норма, закреплённая годами. В психологическом отношении существенно сама атмосфера ритуальной

торжественности, социальной значимости судебного заседания. «Строгое соблюдение судебного этикета эмоционально воздействует на психику присутствующих, создает определенную морально — психологическую атмосферу осуществления судопроизводства, предупреждает возможность недисциплинированного поведения» [1, с. 2]. Как мы понимаем, в судебном заседании с участием робота-судьи такое правило будет лишено смысла, а вместе с удалением этой традиции так же будет утрачен важный психологический аспект — то самое ритуально-торжественное влияние судебного заседания на участвующих в деле лиц. На первый взгляд может показаться, что это не столь существенная деталь, но если копнуть немного глубже...

Если не отдаляться в юридическую психологию, можно сказать, что годами формируемый процесс судебного заседания не рассчитан на внедрение роботов. Каким образом робот будет поддерживать порядок в судебном заседании? Будут ли люди, участвующие в нём в достаточной степени доверять правосудию, и останутся ли

удовлетворёнными после такого рода судебного заседания? Многие ученые отмечают, что как только роботы начинают приобретать «слишком» человеческий облик, люди внезапно начинают испытывать к ним отвращение и резкую неприязнь. Масахиро Мори назвал данный феномен эффектом «зловещей долины». По мнению автора, его причины могут крыться в том, что воспринимая объекты, которые выглядят почти как люди, человеческий мозг классифицирует их как «больных людей» и инициирует защитную реакцию в виде отвращения и неприязни, заставляющую избегать контакта с ними. В таком случае можно ли говорить об авторитете судьи для всех остальных участвующих в деле?

Таким образом, при внедрении роботов в отправлении правосудия придётся менять ГПК РФ в большей его части, внедрять новые принципы, вводить новые виды производств. Можно долго и много говорить о достоинствах роботов — судей, но какую же нужно испытывать в них потребность, чтобы это внедрение было целесообразно.

Литература:

1. Аминов, И. И. Культура судебного процесса (психологические аспекты) / Аминов, И. И. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 80 с.
2. Зорькин, В. Д. Суть права / Зорькин, В. Д. // Журнал конституционного правосудия. — 2017. — № 5 (59). — С. 2.
3. Клеандров М. И. // Научно-практический журнал. — М.: РАП, 2018. — 112 с.
4. Ожегов 2001 — С. И. Ожегов. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (Предварительные наброски). — 1920-е гг. // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. — 560 с. С. 410–412.
5. Момонов В. В. Эффективность правосудия в контексте правовой культуры: сравнительно-правовой анализ / Момонов В. В. // Судья. — 2017. — № 10. — с. 4–15.
6. Браво-Хуртадо Пабло Автоматизация отправления правосудия: обращение к трём ошибочным суждениям об искусственном интеллекте / Браво-Хуртадо Пабло // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1. — с. 181–199.
7. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018)

Раскрытие информации при проведении общего собрания акционеров

Лукьянченко Наталья Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обязанностью акционерного общества раскрывать информацию о своей деятельности, в особенности сведений о проведении общего собрания и его решениях. Освещены основные сообщения, связанные с общим собранием, их содержание и сроки публикации.

Ключевые слова: общее собрание акционеров, раскрытие информации акционерными обществами, положение о раскрытии информации, существенные факты, порядок раскрытия информации о проведении общего собрания.

Мало кто знает, что акционерное общество кроме множества обязанностей, является субъектом раскрытия информации и постоянно должно освещать основные сведения о своей деятельности на сайте уполномоченного агентства в сети Интернет (информационного агентства — уполномоченного распространителя

информации, на странице в сети Интернет которого эмитенты размещают все документы, подлежащие раскрытию).

В настоящее время уполномоченных на раскрытие информации на рынке ценных бумаг агентств — пять: центр раскрытия корпоративной информации «ИНТЕРФАКС»;

система раскрытия информации «АК&М»; ассоциация защиты информационных прав инвесторов (АЗИПИ); агентство экономической информации «Прайм»; система комплексного раскрытия информации и новостей «СКРИН».

Однако обязанность по раскрытию информации касается конечно же не всех обществ. Субъектами раскрытия информации являются:

- акционерные общества, которые публично разместили ценные бумаги;
- акционерные общества с числом акционеров более 50;
- и, конечно же, публичные акционерные общества. [1, с.184]

Каждый из вышеперечисленных субъектов обладает своим объемом раскрытия информации. В данной статье нас интересует только сообщения о существенных фактах, касающиеся общих собраний, поэтому субъектами наших исследований будут публичные акционерные общества, которые раскрывают сообщения о существенных фактах. Прежде всего определим, почему собранию акционеров придают такую важность? Какое место в обществе ему принадлежит?

Общее собрание акционеров является высшим органом управления акционерного общества, оно наделено полномочиями, которые необходимы для принятия самых важных решений о деятельности и дальнейшей судьбе общества. Годовое общее собрание акционеров проводится ежегодно не ранее 1 марта и не позднее 30 июня. Кроме годовых, в обществе могут проводиться также внеочередные общие собрания акционеров. [2, с.37]

Раскрытие информации о собрании начинается еще на стадии его созыва. Право созывать собрания принадлежит Совету директоров (Наблюдательному совету), а в случае его отсутствия — единоличному исполнительному органу. При принятии решения о проведении собрания необходимо помнить о необходимости раскрытия существенных фактов.

На стадии созыва собрания акционеров раскрываются следующие сообщения:

- о проведении заседания совета директоров (наблюдательного совета) и его повестке дня;
- о решении совета директоров (наблюдательного совета);
- о созыве общего собрания участников (акционеров);
- о дате, на которую определяются лица, имеющие право на осуществление прав по именным эмиссионным ценным бумагам.

В соответствии с «Положением о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» сообщения о существенном факте раскрываются в следующие сроки с момента наступления существенного факта: в ленте новостей — не позднее одного дня и на странице в сети Интернет — не позднее двух дней.

Моментом наступления существенного факта о проведении заседания совета директоров (наблюдательного совета) эмитента и его повестке дня является дата принятия председателем совета директоров (наблюдательного

совета) эмитента решения о проведении заседания совета директоров (наблюдательного совета) эмитента или дата принятия иного решения, которое в соответствии с уставом эмитента, его внутренними документами или обычаями делового оборота является основанием для проведения заседания совета директоров (наблюдательного совета) эмитента.

Моментом наступления существенных фактов о решении совета директоров (наблюдательного совета), о созыве общего собрания участников (акционеров) эмитента и о дате, на которую определяются лица, имеющие право на осуществление прав по именным эмиссионным ценным бумагам, является дата составления протокола заседания совета директоров (наблюдательного совета) эмитента, на котором приняты соответствующие решения. [3]

Соответственно, сообщения о решении совета директоров (наблюдательного совета), о созыве общего собрания участников (акционеров) и о дате, на которую определяются лица, имеющие право на осуществление прав по именным эмиссионным ценным бумагам, раскрываются в ленте новостей на сайте одного из уполномоченных агентств не позднее одного дня с даты составления протокола заседания совета директоров (наблюдательного совета).

После проведения собрания необходимо раскрыть сообщение о решении общих собраний участников (акционеров), в котором отражаются сведения о вопросах повестки дня, результатах голосования и принятых по этим вопросам решениях.

Моментом наступления существенного факта о решении общих собраний участников (акционеров) является дата составления протокола (дата истечения срока, установленного законодательством Российской Федерации для составления протокола) общего собрания акционеров эмитента.

Таким образом, сообщение о решении общих собраний участников (акционеров) раскрывается в ленте новостей на сайте одного из уполномоченных агентств не позднее одного дня с даты составления протокола общего собрания акционеров эмитента.

В зависимости от утвержденной для общего собрания повестки дня и принятых решениях объем раскрываемой информации может меняться. Например, одним из обязательных для включения в повестку дня на годовом общем собрании является вопрос о распределении прибыли (в том числе выплате дивидендов) и убытков общества по результатам отчетного года. В случае принятия решения о выплате дивидендов, необходимо будет раскрыть также ряд следующих сообщений: о начисленных доходах по эмиссионным ценным бумагам эмитента; о дате, на которую определяются лица, имеющие право на осуществление прав по эмиссионным ценным бумагам эмитента; о выплаченных доходах по эмиссионным ценным бумагам эмитента. [4, с.30]

Органом, контролирующим раскрытие информации, является Центральный банк Российской Федерации. В последнее время ЦБ РФ ведет серьезные проверки раскрытия информации публичными акционерными

обществами, особенно в части публикации сведений об общих собраниях акционеров.

В 2018 году контролирующий орган запросил у всех публичных обществ протоколы общих собраний и документы по его созыву для проверки правильности раскрытия информации, нераскрытие или нарушение сроков раскрытия информации является административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 15.19 КОАП РФ. К нарушителям предусмотрены существенные меры административной ответственности:

от штрафа до одного миллиона рублей до дисквалификации должностного лица на срок от одного года до двух лет. [5]

Главная цель, стоящая перед таким инструментом корпоративного управления, как раскрытие информации, своевременное обеспечение инвесторов достоверной и понятной информацией, необходимой для принятия обдуманного решения, распространение которой способствует предупреждению корпоративных конфликтов, снижению риска потери конкурентоспособности.

Литература:

1. Вавулин Д. А. Раскрытие информации акционерными обществами. / М.: Юстицинформ, 2012.
2. Королев В. С. Лица, имеющие право участвовать в общем собрании акционеров и участников / Гражданское право. 2018. № 3.
3. «Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» утв. Банком России 30.12.2014 № 454-П, зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2015 № 35989 / Вестник Банка России от 06.03.2015, № 18–19.
4. Ганеев Р. Р. Актуальные проблемы современных способов раскрытия информации акционерными обществами / Гражданское право. 2014. № 4.
5. Комиссаров А. Ф. Административная ответственность ПАО за некорректное раскрытие информации / Акционерное общество. Январь 2019. № 1 (176).
6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» / Российская газета от 29.12.1995, № 248.
7. Романова Н. Б. Общее собрание акционеров: коллизии защиты прав акционеров / Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 5.

Транспортная экспедиция: споры, связанные с защитой прав потребителей

Селенинова Галина Сергеевна, студент магистратуры

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Ключевые слова: транспортно-экспедиционная деятельность, права потребителя, экспедитор, неустойка, моральный вред, потребитель.

Договор транспортной экспедиции законодательно закреплен как самостоятельный вид договора в 41 главе Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее Гражданский кодекс РФ). Правила этой главы содержат шесть статей (801–801) и устанавливают лишь общие положения о данных правоотношениях. Поэтому, в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ принят специальный Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [3] (далее Федеральный закон № 87-ФЗ), который подробно определяет порядок оказания экспедиционных услуг. Данный закон детально закрепляет права и обязанности сторон, их ответственность, а также порядок и сроки предъявления претензий и исков. Следует также отметить, что Постановлением Правительства Российской Федерации от 08.09.2006 № 554 «Об утверждении Правил транспортно-экспедиционной деятельности» определены правила транспортно-экспедиционной деятельности, закрепляющие перечень экспедиторских

документов, порядок оказания и требования к качеству данных услуг.

Упомянутые выше нормативные акты не исключают применение к регулируемым ими отношениям иных нормативно правовых актов. В частности, в случаях, когда услуга оказывается для личных, семейных, домашних и иных непредпринимательских нужд на отношения между сторонами распространяется Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [2] (далее Закон о защите прав потребителей). Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [4] к данным правоотношениям подлежат применению нормы Закона о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальными законами.

По договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет

другой стороны (клиента-грузоотправителя или грузополучателя) выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой груза [1].

Основная категория споров, вытекающих из правоотношений в сфере защиты прав потребителей по оказанию экспедиторских услуг — это споры о повреждениях, недостатке или утрате груза. Разберем подробно: какую ответственность в данном случае несет экспедитор.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей стороны договора несут ответственность в соответствии с гл. 25 Гражданского кодекса РФ [3]. Согласно п. п. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона № 87-ФЗ экспедитор несет ответственность перед клиентом в виде возмещения реального ущерба за повреждение груза после принятия его экспедитором и до выдачи груза получателю, указанному в договоре транспортной экспедиции, либо уполномоченному им лицу, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие обстоятельств, которые экспедитор не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело за повреждение (порчу) груза, принятого экспедитором для перевозки с объявлением ценности, в размере суммы, на которую понизилась объявленная ценность, а при невозможности восстановления поврежденного груза в размере объявленной ценности [3]. Таким образом, первая сумма, причитающаяся к выплате клиенту — это сумма реально причиненного ущерба, т. е. стоимость перевозимого груза. В данном случае, важное значение будет иметь тот факт, объявил ли клиент стоимость груза или нет. В первом случае ущерб будет определяться из суммы объявленной стоимости или части объявленной стоимости, а в другом, в размере документально подтвержденной стоимости груза или его части. От размера объявленной стоимости зависит размер страховой премии, что может значительно повысить стоимость перевозки, в связи с чем, на практике зачастую граждане снижают реальную стоимость перевозимого груза, рискуя в случае неудачной перевозки не получить полную стоимость своего груза. Так, например, гражданин обратился в суд с иском к транспортной компании о взыскании убытков в связи с некачественным осуществлением перевозки его груза. При оформлении данного груза была указана объявленная стоимость в размере 1800 рублей, хотя на самом деле его стоимость составляла 24500 рублей (подтвержденная документально). Суд взыскал с компании в пользу гражданина лишь 1800, сославшись на положения гражданского законодательства [6].

За некачественно оказанную услугу, повлекшую утрату, недостачу или повреждение груза, клиент имеет право вернуть уплаченное экспедитору вознаграждение пропорционально стоимости утраченного, недостающего или поврежденного груза. Данное требование должно быть удовлетворено в десятидневный срок, а в случае

нарушения данного срока клиент имеет право на выплату в его пользу неустойки. Цена неустойки определяется в размере трех процентов оказания услуги за каждый день просрочки. Сумма взысканной неустойки не может превышать цену оказания такой услуги. Так, например, в деле, рассмотренном нами выше, в пользу клиента была взыскана неустойка в размере стоимости перевозной платы (2033 руб.), хотя реальная неустойка составила 7322 рубля [6].

По отдельным делам истцы, помимо взыскания неустойки за не надлежаще оказанную услугу, пытались взыскать и процент за пользование чужими денежными средствами, однако суды в данном случае это требование отвергают, в связи с тем, что Законом о защите прав потребителей такое взыскание не предусмотрено.

Законом о защите прав потребителей предусмотрена компенсация морального вреда, причиненного вследствие ненадлежащего исполнения обязательств по оказанию услуг. Рассматриваемые правоотношения не являются исключением. Размер такой компенсации определяется только судом и не зависит от размера, взысканного имущества вреда. Так, например, гражданин Иванов обратился в суд с иском к ООО с требованием об уменьшении цены оказанной услуги, взыскании убытков, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа. В обосновании иска указал, что заключил с ООО договор на транспортную экспедицию мотоцикла. Однако при его получении были обнаружены повреждения. Претензия, направленная экспедитору, осталась без ответа. В результате проведенного судебного заседания в пользу истца, помимо реального ущерба, была взыскана и моральная компенсация [5].

Также на основании ст. 13 Закона о защите прав потребителей при несоблюдении в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя с транспортной компании подлежит взысканию штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Таким образом, из анализа действующего законодательства можно определить следующую ответственность экспедитора в случае ненадлежащего исполнения обязательства по перевозке груза потребителя:

При порче либо утрате груза экспедитор обязан возместить клиенту реально причиненный ущерб, а также возвратить уплаченное за перевозку вознаграждение пропорционально стоимости поврежденного груза.

Если претензия по возмещению ущерба и возврату перевозной платы не была экспедитором удовлетворена в десятидневный срок, то клиент имеет право в судебном порядке требовать выплату неустойки и компенсацию морального вреда.

Также за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке экспедитору назначается штраф в размере половины суммы, присужденной потребителю. Данный штраф взыскивается с экспедитора независимо от того, было ли заявлено это требование пострадавшей стороной.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5.
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.04.2018) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, N 3.
3. Федеральный закон от 30.06.2003 N 87-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О транспортно-экспедиционной деятельности» // «Собрание законодательства РФ», 07.07.2003, N 27 (ч. 1).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 9, сентябрь, 2012.
5. Решение № 2-3440/2015 2-3440/2015~М-2344/2015 М-2344/2015 от 19 августа 2015 г. по делу № 2-3440/2015 // sudact.ru. URL: http://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=@ular-case_doc=2-3440-15@ular-lawchuninfo=@ular-doc_type=1007@ular-date_from=19.08.2015@ular-date_to=19.08.2015@ular-workflow_stage=@ular-area=@ular-court=@ular-judge=#searchResult (дата обращения: 4.02.2019).
6. Решение № 2-115/2017 2-115/2017 (2-8704/2016;) ~М-6822/2016 2-8704/2016 М-6822/2016 от 1 февраля 2017 г. по делу № 2-115/2017 // sudact.ru. URL: http://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=@ular-case_doc=2-115%2F2017@ular-lawchuninfo=@ular-doc_type=1007@ular-date_from=01.02.2017@ular-date_to=01.02.2017@ular-workflow_stage=@ular-area=1020@ular-court=@ular-judge=#searchResult (дата обращения: 4.02.2019).

Уклонение арендатора от принятия объекта аренды как проявление злоупотребления правом в форме бездействия

Чернитевич Алексей Владимирович, студент магистратуры
Пятигорский государственный университет

В статье раскрывается понятие и проблематика злоупотребления правом арендатора, выраженном в уклонении от приёма в пользование арендованного имущества. Дается краткое определение понятия «злоупотребление правом», а также актуальность описываемой проблемы и необходимость её законодательного урегулирования.

Ключевые слова: *арендованное имущество, арендатор, злоупотребление правом, договор аренды, подписание документа.*

Как правило, понятие злоупотребления правом в сфере арендных отношений, в юридической научно-практической среде относят к злоупотреблению правом со стороны арендодателя, как собственника имущества, наделенного правами в силу закона и владения, что позволяет арендодателю более широко злоупотреблять своим правом в отношении интересов арендатора. В данной статье мы будем рассматривать проблематику злоупотребления правом с обратной стороны, а именно со стороны собственника имущества, то есть арендодателя.

Действующее законодательство, в виде закрепленных законодательно положений статей 606, 611, 655 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ однозначно устанавливают обязанность арендодателя передать арендатору определенное договором аренды имущество во временное пользование. Так, например, пункт 1 статьи 655 Гражданского кодекса Российской Федерации «Передача здания или сооружения» гласит следующее: «...обязательство арендодателя передать здание или сооружение

арендатору считается исполненным после предоставления его арендатору в пользование и подписания сторонами соответствующего документа о передаче. Уклонение одной из сторон от подписания документа о передаче здания или сооружения на условиях, предусмотренных договором, рассматривается как отказ соответственно арендодателя от исполнения обязанности по передаче имущества, а арендатора от принятия имущества». Исходя из действующих реалий ведения бизнеса, сам факт заключения договора аренды и последующего подписания сторонами договора документа о передаче (акта приема-передачи, арендуемого имущества) часто бывает разнесён во времени. Например, заключается договор в декабре текущего года, а фактическая передача имущества по документу о передаче, планируется в январе следующего года, ввиду производимого в помещении ремонта, неготовности арендатора принять в пользование арендованное имущество именно в момент подписания договора аренды, желание сторон зафиксировать договорные обязательства в отношении конкретного объекта аренды для того, чтобы впоследствии воспользоваться данным правом, и тому подобные варианты. Сам факт заключения

¹ Здесь и далее по тексту статьи части первой и второй Гражданского кодекса Российской Федерации

договора аренды даёт арендодателю мнимые гарантии его исполнения, что как показывает практика совсем таковым не является.

На практике, часто встречаются ситуации, когда арендатор, заключая договор аренды, не торопится вступить в права распоряжения арендованным имуществом, либо впоследствии в принципе меняет свою позицию в отношении заключенного договора и решает его не исполнять, уклоняясь от подписания документа о передаче ему арендованного имущества. Как правило, арендатор руководствуется позицией «... если имущество фактически не получено, договор исполнять необязательно...»² Данное поведение арендатора фактически и образует преднамеренное злоупотребление правом.

Сама по себе, норма, посвященная злоупотреблению правом, существует в Гражданском кодексе Российской Федерации — «Статья 10. Пределы осуществления гражданских прав». Согласно положений данной статьи: «...не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах...», а также «... в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются»...

В общем смысле, понятие «злоупотребление правом», если рассматривать его из призмы теории, — это выход за пределы права, которые происходят при намеренном действии или бездействии субъектов правоотношений, прямо вытекающих из закона, но характеризующихся неблагоприятными последствиями для иной стороны правоотношений. Злоупотребление правом, по своей сути является выходом за пределы допустимого с точки зрения теории права поведения, при его формальном разрешении. В. Д. Горобец считает, что злоупотребление правом представляет собой осуществление субъективного права, противоречащее его назначению. В результате злоупотребления правом причиняется ущерб правам и законным интересам граждан, государства и общества в целом [3].

Само по себе, злоупотребление правом, закрепленное в Гражданском кодексе Российской Федерации, осуществляется в различных формах. В вышеуказанном кодексе, в статье 10 закреплены следующие формы злоупотребления правом:

1. осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, или так называемая шикана³;

2. иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), отличных от шикана форм;

3. факты злоупотребления правом в конкурентных отношениях.

По факту, уклонение арендатора от приема в пользование арендованного имущества, путем уклонения от подписания документа о его передаче, как раз и является частным случаем «злоупотребления правом в виде бездействия», как подвидом факта нарушения права арендодателя на исполнение арендатором своих обязательств по договору и получения в дальнейшем арендной платы за арендованное имущество. В данном случае арендатор, уклоняясь от принятия арендованного имущества, допускает злоупотребление своими правами, хотя и не имеющее целью причинить ущерб интересам других лиц, но объективно причиняющее им вред, выразившийся в длительном уклонении от исполнения своих обязательств по договору в виде непринятия имущества по акту.

Как следует из сложившейся судебной практики, отсутствие акта приема-передачи здания или сооружения может свидетельствовать о неисполнении арендодателем обязательств по передаче имущества или арендатором по возврату имущества.⁴ Например, согласно пункта 1 статьи 655 Гражданского кодекса Российской Федерации передача здания или сооружения арендодателем и принятие его арендатором осуществляются по передаточному акту или иному документу о передаче, подписываемому сторонами. Если иное не предусмотрено законом или договором аренды здания или сооружения, обязательство арендодателя передать здание или сооружение арендатору считается исполненным после предоставления его арендатору в пользование и подписания сторонами соответствующего документа о передаче. Из содержания указанных норм права следует, что юридически значимым обстоятельством является момент возврата объекта имущественного найма собственнику, который подтверждается документом обоюдно подписанному контрагентами.⁵ Следовательно, исходя из сложившейся практики правоприменения и действующего законодательства, отсутствие документа о принятии объекта арендных правоотношений влечет за собой ограничение права арендодателя на получение доходов, на которые он рассчитывал, заключая данный договор аренды.

Как следует из разъяснений, содержащихся в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ⁶, в силу статей 606, 611, 655 Гражданского кодекса Российской Федерации. обязанность арендодателя по отношению к арендатору состоит в предоставлении последнему имущества в пользование, а обязанность арендатора — во внесении платежей за пользование этим имуществом. Необоснованный отказ арендатора от принятия помещений препятствует исполнению арендодателем обязанности, установленной частью 1 статьи 611 Гражданского кодекса РФ.

² Вольная трактовка мотивирующей позиции арендатора автором статьи

³ «Шикана» — термин, заимствованный российской доктриной из немецкой правовой науки XIX в. Исходное его значение, нашло отражение в Германском гражданском уложении (1900 г.), в § 226 которого сказано: «Недопустимо осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому».

⁴ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 04.09.2009 N Ф03-4468/2009 по делу N А51-10479/2008.

⁵ Постановление ФАС Уральского округа от 24.11.2009 N Ф09-9298/09-С3 по делу N А50-5942/2009.

⁶ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой»

Следовательно, наличие в Гражданском кодексе РФ обязанности арендодателя по отношению к арендатору в предоставлении последнего имущества в пользование, при отсутствии законодательно закрепленной обязанности арендатора в получении данного имущества в пользование, создают неравнозначное правовое положение сторон договора аренды и ведут к предпосылкам злоупотребления правом со стороны арендатора. В случае бездействия арендатора и его уклонения от приема в пользование арендованного имущества прямо нарушаются интересы арендодателя, имеется подписанный сторонами, но неисполняемый арендатором договор, который к тому же достаточно проблематично

оперативно расторгнуть. Арендодатель же, предполагает добросовестность арендатора, не имеет возможности передачи арендуемого имущества другому лицу, и в данном случае несет прямые убытки. Отсутствие правового регулирования в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации данной правовой коллизии ведет к нарушениям гражданских прав определенного круга лиц, необходимо предусматривать дополнительные конструкции в рамках заключенных договоров по последствиям уклонения арендатора от приема имущества, а также ведет к росту загруженности судебной системы Российской Федерации по данному рода исковым заявлениям.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 27.01.2019).
2. Картотека арбитражных дел — Федеральные суды // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.01.2019).
3. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 324
4. Журнал «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Журнал «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». URL: www.vestnik.ru/ (дата обращения: 27.01.2019).

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Брак и иные виды семейных союзов в зарубежных странах

Цитович Любовь Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;

Никишов Андрей Борисович, преподаватель;

Российская государственная академия интеллектуальной собственности

В настоящей статье автором рассматриваются основные формы брака и иных видов семейных союзов в зарубежных странах. Дается детальный анализ каждого отдельного вида. В заключении автором рассматривается одна из проблем, которая складывается при возникновении трансграничных брачно-семейных отношений: «хромоающие браки»

Ключевые слова: брак, партнерство, сожительство, семейное право.

Институт брака в семейном праве занимает одно из центральных положений, так как имеет основополагающее значение для возникновения, изменения и прекращения супружеских отношений, а также отношения, складывающихся между членами семьи. Традиционно под браком принято понимать добровольный союз между мужчиной и женщиной зарегистрированный в установленном порядке с целью достижения моральных, духовных и физических потребностей человека. В силу особой специфики семейного права, по мнению И. А. Михайловой, «брак представляет собой одно из наиболее сложных правовых явлений, не поддающихся общепризнанному легальному определению» [1].

Стоит отметить, что законодатель не дает определение брака ни в одном законодательном акте, но при этом, Конституционный Суд Российской Федерации, в своем Определении [2] указал, что определение брака — это исключительно прерогатива законодателя.

Как российское законодательство, так и законодательство зарубежных стран не дает определение брака: национальными законами регламентируются условия вступления в брак, прекращение брака, признание его не действительным. Теория семейного права в целом, определяет брака, как договор (сделка), добровольный пожизненный союз или просто партнерство. Совершенно, верно, что брак рассматривается как сделка, так как предполагает, что отношения между будущими супругами являются договорными. Стороны на основе взаимного согласия определяют свои будущие права и обязанности. Заключая брачный договор, стороны закрепляют правовой режим своего имущества.

Будучи сложным правовым явлением, брак можно рассмотреть и с точки зрения других значений.

Брак, как юридический факт представляет собой разновидность актов гражданского состояния, который подлежит обязательной государственной регистрации в уполномоченных органах. Заключение брака между сторонами

означает возникновение между ними брачно-семейных отношений, а в свою очередь расторжение брака — это прекращение личных неимущественных и имущественных отношений между супругами. С другой стороны, брак рассматривают как правоотношение: брак — это урегулированное нормами семейного права, общественные отношения, где каждый из супругов обладает комплексом имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей. Однако не все отношения, возникающие между супругами, урегулированы семейным законодательством, так, к примеру, вопросы, связанные с уборкой квартирой, походами в магазин выходят из сферы правового регулирования. Данные вопросы определяются супругами самостоятельно. Как правило, в большей степени, именно имущественные отношения урегулированы. И, в-третьих, брак рассматривают как институт семейного права, т. е. обособленную группу взаимосвязанных норм, регулирующих конкретный вид общественных отношений — брак. Многие авторы выделяют такую категорию как субинститут, к нему относят: субинститут заключения брака, субинститут расторжения брака и т. д.

Рассмотренные выше различные взгляды и суждения о правовой конструкции брака, в целом показывают, что брак является одним из самых сложных правовых явлений.

Оформление брака по зарубежному праву может, осуществляться в различных формах. Исторически сложились следующие формы брака:

1. Гражданская форма заключения брака (РФ, ФРГ, Франция), предполагает обязательную государственную регистрацию лиц желающих вступить в брак. Как правило, такими органами выступают ЗАГС или органы местного самоуправления (к примеру, во Франции, таким органом является мэрия).

2. Религиозная форма заключения брака (Ирак, Ирак, Израиль). Такая форма заключения брака, как правило, присуща странам мусульманского фундаментализма

в силу особенности их государства, где религиозные нормы играют важную роль и определяют право. Данная форма брака означает, что брак должны заключаться по религиозному обряду, как правило, в храме (Церковь, Мечеть, Синагога). К примеру, в качестве важного условия заключения в Израиле является принадлежность к религиозной общине. Есть один из супругов, христианин, а другой мусульманин, то такой брак невозможно зарегистрировать. Браки между евреями и иностранными гражданами тоже зарегистрировать невозможно.

Священник, проводящий церемонию бракосочетания, обязательно должен иметь право на заключение такого права. Особенностью данной формы брака является то, что после его заключения необходимо обратиться в государственный орган для получения официального свидетельства о заключении брака. Требования, предъявляемые к религиозным бракам, зависят от административной области проживания заявителя или его религии.

3. Альтернативная форма брака (Испания, Великобритания), предполагает возможность заключения как религиозного, так и гражданского брака. Так в соответствии с Гражданским кодексом Испании [3], брак может быть заключен перед судьей, мэром или уполномоченным лицом, а также в религиозной форме, установленной законом.

4. Смешенная форма брака (страны Латинской Америки) предполагает обязательную гражданскую и религиозную форму брака.

Другой классификацией форм брака является их деление на: брак, сожитительство и партнерство.

Брак, как описывалось выше, это союз между лицами разного пола, направленный на удовлетворение своих физических и духовных потребностей, а также с целью продолжения рода.

Особенностью брака в странах мусульманского фундаментализма является наличие многоженства и регулирование брачно-семейных отношений религиозными нормами. По общему правилу, вступая в такой брак, муж обязан одинаково обеспечить всех своих жен. Все содержание своей жены (жен) ложится на плечи мужчины, и в случае, если он не в состоянии обеспечить, то ему не рекомендуется вступать в брак.

Запрещаются любые добрачные отношения между будущими супругами, а также отношения между родственниками.

Еще одной особенностью является то, что отец вправе в первый раз сам выдавать свою дочь замуж, даже против её воли.

В отличие от многих европейских стран, а также складывающихся интеграционных процессов в семейном законодательстве страны мусульманского фундаментализма не только отвергают однополые браки, но они еще и заключение такого брака является уголовным преступлением.

В целом, почти в каждом «религиозном государстве» в той или иной мере женщины при вступлении брак сильно дискриминируются.

Страны тоталитарного социализма брачно-семейные отношения регулируются по устоявшейся модели:

как правило, это традиционная форма, где брак оформляется в органах ЗАГС и негативные отношения к нетрадиционным бракам.

Многие европейские страны уходят от плюралистической модели брачных отношений, которая предполагает пожизненный союз мужчины и женщины. Как верно отмечает М. В. Антакольская [4], в настоящее время прослеживается тенденция, что в будущем брачующимся будет дана возможность с помощью договора выбрать ту модель брака, которую они считают для себя приемлемой, а государство в свою очередь будет лишь регистрировать их выбор.

Партнерство — это союз двух равноправных субъектов, одного или разного пола. Такой вид не считается браком и регулируется специальными национальными законами. Данный вид «брака» является нововведением XX в. и связан с возникновением проблем в ряде сфер (наследование, пенсионного обеспечения и т. д.) складывающимися между однополыми лицами. Многие основные законы и национальные кодификации четко закрепляют, что брак заключается между женщиной и женщиной, поэтому, создание партнерства решило эту проблему. В странах Европейского союза, США появились семейные союзы, которые по своей сути не являются браком, но позволили регистрировать однополые союзы. Такое партнерство регулируется специальными принятыми законами, к примеру, Швейцарский закон о зарегистрированных гражданских партнерствах однополых пар [5],

В связи с этим принимаемый термин «брак» к однополым семейным союзам является не совсем верным.

Существуют следующие виды партнерства:

1. Зарегистрированное партнерство предполагает союз между женщиной и женщиной основанный на договоре о совместной жизни без оформления брачных отношений.

2. Пожизненное партнерство (Введен Законом ФРГ «О пожизненном партнерстве в 2001 г.») [6], которое предполагает оформление однополыми парами семейного союза в условиях запрета однополых браком национальным законом

3. Социально-экономическое партнерство (Введен во Франции в 1999 г. пактом гражданской солидарности) предполагает возможность совершеннолетних лиц, как одного пола, так и различного заключить гражданско-правовой договор о совместной жизни в целях организации совместной жизни. Как правило, стороны регулируют только свои имущественные отношения данным договором. При этом стоит отметить, что заключать такой договор, между родственниками строго запрещен.

4. Местное партнерство представляет собой однополый или традиционный союз без предоставления прав и обязанностей. Регистрируется он органами местной власти, муниципалитетами. Получил свое распространение в Англии и некоторых штатах США.

5. Региональное партнерство представляет собой такой вид союза, когда совершеннолетние лица одного пола, не вступая в брак, могут заключить договор о совместной жизни. Такой вид партнерства применялся

в штате Нью-Хэмпшир, однако в дальнейшем он легализовал однополые браки и такие союзы были преобразованы в браки.

В целом институт «партнерства» в семейном праве был введен в связи с изменениями в ряде западных стран устоявшихся традицией и представлений о браке, как союзе между мужчиной и женщиной и в целом выступает его альтернативой для однополых лиц. В Российской Федерации такая форма брака отсутствует.

Сожительство как форма брака представляет собой фактическое совместное проживание лицами, не состоящими в браке в течение длительного времени. Данная форма получила своей распространение в законодательстве Нидерландов, Франции, Бельгии. В Российской Федерации такая форма не признается и именуется как фиктивные брачные отношения. В некоторых штатах США простое сожительство по истечении определенного срока совместной жизни позволяет суду установить прецедент презумпции законного брака. [7]

В заключении хотелось бы отметить, одну из острых проблем, складывающихся в регулировании брачно-семейных отношениях, осложненных иностранным элементом. Существуют такой термин, как «Хромающие

браки» или «Хромающие отношения». Национальные законы устанавливают свои критерии и условия вступления в брак: форма брака, возраст брачующихся и т. д. Такие браки порождают в одном государстве правовые последствия, а в другом являются недействительными. Так, ярким примером, является запрет на однополые браки в Российской Федерации, в связи с чем, некоторые граждане отправляются в соединенные штаты Америки, где регистрируют однополые союзы. Проблема заключается в том, что страны не признают форму и порядок заключения брака другой страны, если они отличаются от их национальных особенностей. В 1995 г. была проведена попытка решения данной проблемы и заключилась она в принятии Гаагской конвенции об урегулировании коллизий законов в области заключения брака [8], но до сих пор данная конвенция не вступила в силу.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что брак является достаточно сложной правовой конструкцией, представляющий собой институт семейного права. Правовое регулирование данного института достаточно разнообразно, начиная от требования (условий) брака, заканчивая его формой.

Литература:

1. Семейное право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Л. М. Пчелинцева [и др.]; под ред. Л. М. Пчелинцевой; под общ. ред. Л. В. Цитович. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 330 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 № 26-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Иониной Веры Петровны» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Испании 1889 г. (Электронный ресурс) <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040601> (дата обращения 13.06.2017).
4. Антакольская М. В. Семейное право: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М. 2010. С. 124
5. Швейцарский закон о зарегистрированных гражданских партнёрствах однополых пар (электронный ресурс) <https://www.admin.ch/opc/de/classifiedcompilation/20022194/index.html> (13.06.2017).
6. Законом ФРГ «О пожизненном партнерстве в 2001 г. (электронный ресурс) <http://www.gesetze-im-internet.de/lpartg/VJNR026610001.html> (13.06.2017).
7. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебное пособие для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. С. 254.
8. Конвенция о заключении и признании действительности браков от 14 марта 1978 года (электронный ресурс) <http://docs.cntd.ru/document/901898365> (13.06.2017).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Проблемы профилактической работы с несовершеннолетними, употребляющими ПАВ

Власов Алексей Сергеевич, студент;

Научный руководитель: Маркеев Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Проблематика наркотизации среди молодежи вызывает обоснованную тревогу в глобальных масштабах, представляя непосредственные и реальные угрозы для здоровья не только отдельных личностей, но и общества в целом. Масштабность разрастания этого «бедствия» в мировом контексте, и в России, в частности, такова, что вызывает опасения за физические и моральные качества подрастающих поколений, а значит — под угрозой оказывается социальная стабильность нашего социума уже в самых ближайших перспективах.

Наркотизм — прежде всего подростково-молодежная проблема. Профилактическая работа правоохранительных органов с несовершеннолетними, употребляющими ПАВ, должна опираться на две основные цели: во-первых, изменить негативное ценностное отношение в подростково-молодежной среде к ПАВ, чтобы снизить спрос на ПАВ у этой категории лиц; во-вторых, сдерживать вовлеченность молодых людей в части приобщения и употребления ПАВ через пропаганду таких ценностных ориентиров, как здоровый образ жизни и антинаркотические установки. В конечном итоге главный ориентир профилактики — это воспитание психически здоровых, лично развитых граждан, способных самостоятельно справиться с неизбежно возникающими в жизни трудностями и проблемами, не нуждающимися в употреблении ПАВ.

Система антинаркотической профилактики правоохранительных органов в молодежной среде, носит многоуровневый характер.

Уровень первичной профилактики включает социальные, образовательные и медико-психологические мероприятия, направленные на общее предупреждение приобщения молодежи к употреблению ПАВ. Во всех сегментах российского общества — возрастным, национальным, профессиональным и т. п. — необходимо создать атмосферу абсолютной нетерпимости к наркотикам. Главный акцент нужно сделать на таких сферах жизни подростка, как семья, образовательное учреждение и досуг, в т. ч. — вопросы микросоциального окружения.

Уровень вторичной профилактики связан с предупреждением формирования устойчивой зависимости у детей и подростков, которые употребляют ПАВ в эпизодическом режиме, но пока еще не проявляют болезненного состояния. Главные задачи на этом уровне профилактики — максимальное сокращение продолжительности влияния ПАВ на подростка, ограничение вредных последствий для его физического и психического состояния от злоупотребления ПАВ, предотвращение формирования устойчивой зависимости от ПАВ. Требуется создавать и совершенствовать инструменты раннего выявления потребителей ПАВ, обеспечить доступность комплексных обследований и оказания квалифицированных услуг в таких областях, как психологическая, медицинская, педагогическая и социальная помощь.

Уровень третичной профилактики связан с предотвращением рецидивности в употреблении ПАВ. Здесь ставится задача — восстановить личностный и социальный статус несовершеннолетних, испытывающих зависимость от ПАВ, вернуть их в семьи, образовательные учреждения, трудовые коллективы, т. е. обеспечить их социализацию и исключить возвращение в наркосреду. Как видим, речь идет о реабилитации, в рамках которой должны сочетаться медицинские, психологические, социальные, образовательные и трудовые меры с целью приспособления несовершеннолетних, зависимых от ПАВ, к нормальной жизнедеятельности в социуме. Применительно к российским условиям, где нет достаточной активности общественных и благотворительных организаций, профилактика борьбы с употреблением ПАВ в молодежной среде должна в максимальной степени ориентироваться на семейную сферу [1, с. 32–33].

Сегодня становится очевидным, что кардинально снизить уровень наркотизации подрастающих поколений возможно лишь при существенной перестройке стратегической и повседневной работы всех структур (прежде всего — правоохранительных), функционально-целевое предназначение которых так или иначе связано с решением этой проблематики. И прежде всего, необходимо создать новую систему учета групп риска

среди несовершеннолетних, склонных к употреблению ПАВ (или уже употребляющих ПАВ — эпизодически или устойчиво).

Следует помнить, что наркотизация молодежи — это не только медицинская, но и социальная проблема. Зависимость молодежи от ПАВ прямо обусловлена устоявшимся образом жизни и социально-нравственным потенциалом социума [2, с. 25]. Антинаркотическая профилактика сегодня требует смещения акцентов — от установки «ловить и лечить» к изменению общественной культуры, условий социализации подрастающих поколений, организации труда и жизни различных категорий населения.

Одним из дискуссионных вопросов является предложение о декриминализации оборота т. н. «легких» наркотиков (гашиш, марихуана). Может быть, стоит разрешить оборот легких наркотиков, как в Голландии? Известно, что в этой стране основной упор в борьбе с наркоманией делается не на правоприменительные меры, а на профилактику, на пропаганду среди населения здорового образа жизни, на социальные программы [3, с. 30]. Мы категорически возражаем против легализации «легких» наркотиков, поскольку экспериментальным путем доказана закономерность перехода в потреблении от, так называемых, легких к более «тяжелым» наркотикам (героин), а также то, что «легкие» наркотики имеют не менее пагубное влияние на организм человека, но лишь более сглаженное. Выраженность негативных последствий у личности наркомана определяется лишь «стажем» употребления наркотиков: чем раньше оно начинается, чем более длительно оно продолжается, тем грубее органические и психические изменения личности.

Представляется важным изменить сложившиеся негативные тренды. Российское общество должно осознать всю многогранность угроз и негативных последствий вовлеченности молодежи в употребление ПАВ. В свою очередь правоохранительные органы должны научиться повседневно и результативно противодействовать наркопреступности, негативно влияющей именно на подростковую среду.

Повторим еще раз: именно пропаганда и стимулирование здорового и продуктивного образа жизни как альтернативы наркозависимости должны рассматриваться в качестве основной цели всех акторов, вовлеченных в профилактическое противодействие распространению ПАВ среди несовершеннолетних. Это противодействие должно быть основано на эффективной и действенной работе всех заинтересованных структур государства и гражданского общества, включая в первую очередь

правоохранительные органы, их четком взаимодействии, активной и наступательной деятельности специализированных институтов.

Требуется создать эффективные механизмы по ликвидации предложения ПАВ, причем речь идет как о наркодавлении из-за рубежа, так и производимых внутри нашей страны на основе легально приобретенных в аптечных сетях лекарственных препаратов. Нужен качественно новый уровень контроля за появлением новых «нестандартных» ПАВ с тем, чтобы своевременно исключать из легального оборота.

Важнейшая профилактическая мера заключается в том, чтобы создать условия для снижения спроса на ПАВ среди несовершеннолетних, в идеале — «обнулить» наркорынки. Для этого требуются усилия не одних только правоохранительных органов, но всего общества. Не имеющих постоянного места работы и необходимых для нормального существования доходов, места жительства, минимальных бытовых услуг людей трудно увлечь разговорами о здоровом образе жизни, поскольку они не видят себя в будущем. Сломать негативные тенденции наркотизации возможно лишь реальным улучшением качества жизни. Каждый молодой человек должен воочию убедиться в наличии полномасштабных возможностей для самореализации его личности.

Обратим внимание на важность международных аспектов рассматриваемой проблематики. В условиях глобализационных процессов, Российскому государству объективно нельзя разрабатывать и осуществлять антинаркотическую политику, игнорируя каналы международного сотрудничества с заинтересованными партнерами за рубежом. В этом же контексте назовем задачу укрепления режимов государственной и таможенной границы как предпосылки повышения защиты населения от наркодавления из-за рубежа.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать общий вывод о том, что наркотизация молодежи превратилась в одну из главных угроз для перспективного развития как нашей страны, так и всего мирового сообщества. В нынешних условиях ситуация с распространением ПАВ, особенно среди несовершеннолетних, продолжает сохраняться весьма тяжелой, продуцируя расти количество наркозависимых и уровень смертности от наркомании. Поэтому проблемы профилактики и противодействия наркотизации в России приобретают масштабный и воистину — общенациональный характер, требуя от Российского государства и общества разработки и имплементации антинаркотической политики, адекватной возникшим угрозам

Литература:

1. Гернет М. Н. Наркотизм, преступность и уголовный закон / М. Н. Гернет // Наркоконтроль. 2016. № 3. С. 30–34.
2. Дуркин А. А. Против наркоугрозы — система комплексных мер / А. А. Дуркин // Законность. 2015. № 12. С. 24–27.
3. Еремеев И. Борьба с незаконным оборотом наркотиков — профилактика имущественных преступлений / И. Еремеев // Законность. 2017. № 1. С. 29–33.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Проблемы свидетельского иммунитета в российском уголовном процессе

Жигангалина Лилия Радиковна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Возможность дачи свидетельских показаний об известных обстоятельствах события преступления, является долгом и обязанностью каждого гражданина РФ. Впрочем, законодатель сделал несколько исключений из общего правила, в некоторых случаях граждане сами решают давать или не давать свидетельские показания, в других — указывает в законе определенных лиц, которые освобождаются от дачи показаний. Поэтому следует разграничить такие понятия как «свидетельский иммунитет» и «свидетельская привилегия».

Нормативное закрепление данного право предусмотрено прежде всего в ст. 51 Конституции РФ где сказано, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, а также допускающей установление федеральным законом иных случаев освобождения граждан от обязанности давать свидетельские показания» [1]. Законодатель этим самым, освободил граждан от обязанности свидетельствовать против себя, своих супругов и близких родственников, дав возможность не причинять себе и своим близким вред. В соответствии с п.4 ст. 5 УПК РФ под близкими родственниками понимаются «супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки». Данный перечень ограничен, в связи с чем сожительство, ведение домашнего хозяйства, или наличие общих детей с лицом, не является формально закрепленными отношениями — браком, и, следовательно, они не дают лицу право отказаться от дачи показаний [2].

Также в ч.40 ст. 5 УПК РФ содержится определение свидетельского иммунитета «свидетельский иммунитет — право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». Из данного определения видно, что законодатель не исключает допрос лица в качестве свидетеля. Он просто дает право выбора лицу, пользующийся свидетельским иммунитетом, давать показания или отказаться от дачи показаний.

Терминология слова «иммунитет» от латинского слова «immunitas», в уголовной-процессуальной теории означает «освобождение от повинностей». Также данное

слово можно разделить на 2 части «im» означает отрицание, а «munitus» означает повинность, обязанность [3]. Данное определение используется в уголовно-процессуальном законе, а термин «привилегия» ни где не прописан.

Таким образом, содержание ст. 51 Конституции РФ можно рассматривать, как освобождение лица давать свидетельские показания, и считать его иммунитетом, который может иметь различные формы.

Свидетельским иммунитетом по традиции наделяется парламентарии. Они не могут давать свидетельские показания, в связи с родом их деятельности. Получая, от граждан доверительную информацию. Если бы у парламентария не было бы такого запрета в отношении данной информации, то это приводило бы к тому, что лицо, доверившее им данную информацию, ставилось в положение, когда оно фактически (в результате показаний парламентария) свидетельствовало бы против самого себя.

Огорчает тот факт, что законодатель не предусмотрел в УПК РФ всех лиц, которым запрещено давать свидетельские показания. Так в п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ сказано, что член Совета Федерации и депутат Государственной Думы не подлежат допросу в качестве свидетеля без их согласия об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением своих полномочий. Такая норма закреплена и в ст. 21 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Однако про депутатов законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ ничего в УПК РФ не говорится. Хотя ст. 15 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» они также могут отказаться давать свидетельские показания по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших известными в связи с осуществлением своих полномочий [4].

Возникает сразу вопрос, какой из законов будет иметь приоритет надо другим? Так в соответствии с ч.2 ст. 7 УПК РФ предусмотрено, что суд, установив в ходе

производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом. Тогда получается УПК РФ имеет преимущество над ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Считаем, что нет, так как правовой статус парламентария к предмету регулирования уголовно — процессуального права не относится. Таким образом, Уголовно-процессуальный Кодекс не обладает перед данным законом приоритетом. Следовательно, на практике органы следствия, а также суды должны иметь ввиду, что депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ могут отказаться от дачи показаний об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением своих полномочий. В связи с этим было бы логичнее внести ч.3 ст. 56 УПК РФ депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, чтобы не возникали какие-либо противоречия в законах.

В УПК РФ также не предусмотрен такой субъект как Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, он также наделен правом отказаться от дачи свидетельских показаний, согласно ч. 2 ст. 24 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 была учреждена должность Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. В этом нормативном акте не указана цель учреждения должности детского омбудсмена, но все же ясно, что они не отличаются от целей, стоящих перед Уполномоченным по правам человека РФ. Разница лишь в том, что Уполномоченный по правам ребенка защищает права и свободы лиц не достигших совершеннолетнего возраста. В данном случае цели у них имеют общие признаки, поэтому предполагается внесение в ч. 3 ст. 56 УПК РФ право отказаться от дачи свидетельских показаний Уполномоченному по правам ребенка, об обстоятельствах, которые стали ему известны, в результате его должностных обязанностей.

Есть основания говорить о свидетельском иммунитете несовершеннолетних лиц, которые еще не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний. Так согласно ст. 20 УК РФ, где указывается, что лицо подлежит уголовной ответственности, если на момент совершения преступления он достиг 16-летнего возраста. Также в ч.5 ст. 280 УПК РФ предусмотрено, что перед допросом свидетелей, не достигших возраста шестнадцати лет, следователем разъясняется, что им необходимо дать полные и правдивые показания для уголовного дела. Следователь за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний несовершеннолетних лиц не предупреждает, а также с них не берется подписка о невыезде. Следовательно, лицу, не достигшему совершеннолетнего возраста, предоставляется свобода действовать по своему усмотрению.

Свидетельским иммунитетом наделяются лица, доверившие адвокату или иному лицу сведения, которые оказывают им юридическую помощь. Так в определении от 6 июня 2016 г. № 1232 Конституционный суд выразил свою правовую позицию, где указывает, что освобождение адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах не исключает его права дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений [5]. По данному разъяснению, необходимо толковать п.2 п.3 ч.3 ст. 56 УПК РФ. Причем свидетельским иммунитетом будет обладать не сам адвокат или защитник, а лицо, которое доверило им данную информацию. Если доверитель заявит ходатайство по поводу оглашения данных сведений адвокатом, то адвокат автоматически снимает на себя обязанность хранить информацию доверителя в тайне, тем самым все основания отказа от дачи свидетельских показаний адвокатом исчезают.

Так в ходе расследования уголовного дела № 22К-2030/2015 с жалобой обратился Писарев Ю. В. о признании незаконными действий старшего следователя СУ СК РФ по Ростовской области Коршунова В. С., в части нарушения положений п.2, п.3 ст. 56 УПК РФ. В жалобе поданной в порядке ст. 125 УПК РФ заявитель указал, что он является адвокатом, у него заключено соглашение об оказании юридической помощи ФИО10, который является свидетелем по уголовному делу в отношении ФИО9 Указанное уголовное дело находится в производстве старшего следователя Коршунова В. С. 5 марта 2015 года посредством почтовой связи он (заявитель Писарев Ю. В.) получил повестку о вызове на допрос в качестве свидетеля по данному уголовному делу на 6 марта 2015 года. Причины вызова в качестве свидетеля ему неизвестны. Заявитель полагает, что следователем были нарушены положения п. п. 2,3 ч.3 ст. 56 УПК РФ, а также ч.2 ст. 8 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ». В связи с чем, заявитель просил суд признать незаконными действия старшего следователя Коршунова В. С. по вызову адвоката Писарева Ю. В. в качестве свидетеля по уголовному делу и обязать старшего следователя устранить допущенное нарушение.

Свидетельский иммунитет адвоката тесно взаимосвязан с адвокатской тайной, так как в его должностные обязанности входит ее сохранять. Согласно ч.3 ст. 27, ч.3 ст. 28 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» хранить адвокатскую тайну обязаны также помощник адвоката, и стажер адвоката, т. е. по идеи они должны быть освобождены от обязанности давать какие-либо показания по данным вопросам, связанных с адвокатской тайной. Но к нашему сожалению в ч.3 ст. 56 УПК РФ данное положение лиц не предусмотрено. Имеется также проблема с лицами, которые не наделяются свидетельским иммунитетом, хотя на наш взгляд это является необходимостью. Ими являются лица, которые осуществляют помощь адвокату, и присутствуют вместе с адвокатом на свиданиях с подозреваемым или обвиняемым. Примером данным случае является переводчик, которые, в отличии от помощников

и стажеров адвоката, не обязаны хранить адвокатскую тайну. В законе не предусматривается запрет допрашивать данных лиц в качестве свидетеля по уголовному делу, т. е. можно говорить о том, что при дачи такими лицами свидетельских показаний, которые они получили, в ходе свидания адвоката с его подзащитным, полностью сводят на нет саму суть адвокатской тайны. Поэтому необходимо было бы в отношении данных лиц, которые содействуют в деятельности адвоката, применить по аналогии положения п.2 п.3 ч.3 ст. 56 УПК РФ.

Важно иметь доверие не только к защитникам, оказывающим юридическую помощь, но и к законным представителям несовершеннолетних граждан, для их эффективной защиты прав и законных интересов. Но, к сожалению, в УПК РФ данным лицам свое внимание законодатель не уделил. В п.4 ст. 5 УПК РФ, законодатель раскрывает понятие «близкие родственники», где содержится перечень лиц относящиеся к ним, однако в нем отсутствуют законные представители. К законным представителям он относит только родителей, и усыновителей несовершеннолетнего, а законных представителей лиц, которые не являются родственниками несовершеннолетнего (опекун, попечитель, либо органы опеки и попечительства) не упоминает, вследствие чего, на данных лиц ст. 51 Конституции РФ не распространяется, т. е. они не могут быть освобождены от обязанности давать свидетельские показания по уголовному делу. Считаем, что это огромный минус законодателя, который не предусмотрел данный нюанс, и такое положение нельзя назвать нормальным.

Следует на наш взгляд уделить законодателю данному вопросу время, и закрепить право законного представителя в ч.3 ст. 56 УПК РФ, в независимости от того,

относится он к близким родственникам несовершеннолетнего или нет. Оказывая несовершеннолетним лицам помощь, они должны иметь право отказаться от дачи свидетельских показаний, которые стали им известны в ходе воспитания и развития несовершеннолетнего. Свидетельский иммунитет должен стать обязательным элементом процессуального статуса законного представителя. Поэтому данное правило должно распространяться на законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, так и потерпевших лиц [6].

Рассматривая, особенности освобождения определенных законом категорий лиц от обязанности свидетельствовать по уголовному делу можно прийти к выводу, что он недостаточно конкретизирован. Таким образом считаем, что необходимо ч.3 ст. 56 УПК РФ дополнить следующими пунктами:

В п.5 ч.3 ст. 56 УПК РФ добавить следующее: «а также депутаты законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской»;

Добавить п.8 ч.3 ст. 56 УПК РФ для Уполномоченного по правам человека, и Уполномоченного по правам ребенка «Уполномоченный по правам человека, и Уполномоченный по правам ребенка без их согласия — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий»;

Дополнить п.2 п.3 ч.3 ст. 56 УПК РФ помощников и стажеров адвоката, а также лиц участвующих в деятельности адвоката (переводчик, специалист и др.).

Дополнить определение «близкие родственники» ч.4 ст. 5 УПК РФ законными представителями, которым будут относиться опекуны, попечители, и органы опеки и попечительства, и приемные родители лица.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г.: по сост. на 08 января 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — N 174. — Ст. 474.1.
3. Баш Л. М. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва: М., 2003. 271 с.
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный Закон от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ: по сост. на 6 февраля 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плетнева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 6 июня 2016 г. № 1232 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2019)
6. Сидорова Н. В. Привилегия против самообвинения и доказательственное значение показаний, полученных в результате соглашения о сотрудничестве / Н. В. Сидорова // Юридическая наука и правоохранительная практика — 2010. — № 2. — С. 89

Таможенные преступления в Российской Федерации: современное состояние и актуальные проблемы

Коновалова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент;

Крицкая Елизавета Васильевна, студент

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

*В статье рассматривается состояние правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации в отношении возбуждения уголовных дел, связанных с таможенной деятельностью. Представляется четкий перечень таможенных преступлений, разделенных на группы по предмету посягательства, выявляются некоторые спорные положения по содержанию таких преступлений в Уголовном кодексе РФ. Проводится статистический анализ возбужденных уголовных дел таможенными органами РФ за период с 2014 по 2018 годы и указываются отдельные характерные черты таможенных преступлений. **Ключевые слова:** таможенные органы, таможенные преступления, преступления в сфере таможенного дела, УК РФ, контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей.*

Актуальность выбранной темы обуславливается значительным весом правоохранительной деятельности ФТС России, поскольку, выступая федеральным органом исполнительной власти, является одним из элементов системы обеспечения национальной безопасности. При официально зарегистрированном количестве таможенных преступлений, среди которых есть преступления и экстремисткой направленности (статьи 226 и 229 УК РФ), а также криминализации ВЭД создается реальная угроза национальной безопасности нашей страны.

Задачей исследования является во-первых, представление четкого перечня таможенных преступлений, разделенных на группы по предмету посягательства; во-вторых, выявление отдельных спорных вопросов по содержанию статей таможенных преступлений и предложения по решению таковых; в-третьих, статистический

анализ возбужденных уголовных дел таможенными органами РФ за период с 2014 по 2018 годы, в-четвертых, представление отдельных характерных черт таможенных преступлений.

Отечественная уголовно-правовая наука и судебно-следственная практика традиционно называет термином «таможенные преступления» специфическую группу общественно опасных деяний, которые посягают на установленный порядок осуществления ВЭД и относятся по этой причине, в соответствии с УПК РФ к компетенции таможенных органов РФ как органов дознания [4, с. 74; 5, с. 103; 6, с. 8]. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает 13 видов таможенных преступлений [1], по которым в соответствии с пп. 3 п. 2 ст. 157 УПК РФ [2] таможенные органы РФ возбуждают уголовные дела и проводят неотложные следственные действия (таблица 1).

Таблица 1. Виды таможенных преступлений

№	Группы преступлений по предмету посягательства	Наименование преступления в соответствии с УК РФ	Статья УК РФ
1	Связанные с образованием юр.лиц	Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица	173 ¹
		Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица	173 ²
2	Связанные с денежными средствами и (или) денежными инструментами	Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем	174
		Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления	174 ¹
		Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации	193
		Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов	193 ¹

№	Группы преступлений по предмету посягательства	Наименование преступления в соответствии с УК РФ	Статья УК РФ
		Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица	ч. 3,4 ст. 194
		Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов	ч. 2 ст. 200 ¹
3	Связанные с сырьем, материалами, опасными веществами, радиационными источниками, взрывными устройствами, оружием массового поражения, оборудованием, технологиями, научно-технической информацией, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники	Незаконный экспорт из РФ или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов	189 226 ¹
4	Связанные с культурными ценностями РФ	Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов	190 226 ¹
5	Связанные с алкогольной продукцией и (или) табачными изделиями	Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий	200 ²
6	Связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, растениями, содержащих такие вещества либо их части, а также с инструментами или оборудованием, находящимся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ	Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящегося под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ	229 ¹

В соответствии с вышеизложенной авторской классификацией статей УК РФ, касающейся таможенных преступлений и исходя из содержания статей, представляется, что законодатель не совсем корректно внес в статью 226 УК предметы посягательства контрабанды — стратегически важные товары и ресурсы, культурные ценности, а также особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Данная статья в своей основе содержит

указание на контрабанду веществ, материалов и объектов, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения. Ключевым здесь должно является именно указание на оружие массового поражения. Ввиду этого, автор предлагает отграничить контрабанду того, что может быть использовано при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники от стратегически

важных товаров и ресурсов, а также культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Целесообразно для упорядочения по предмету посягательства ввести в УК РФ дополнительно статью 226², которая бы касалась контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов, а также конкретизировать на уровне Постановления Правительства перечень стратегически важных товаров и ресурсов, стоимость которых превышает 1 миллион рублей. В настоящее время существует только перечень стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей, утвержденный Постановлением Правительства от 13 сентября 2012 г. № 923 [3]. Что касается контрабанды культурных ценностей, а также особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, полагаем, что это должна быть дополнительная статья УК РФ 190¹, расположенная рядом со статьей 190, состав которой связан с невозвращением на территорию РФ культурных ценностей. Также, учитывая, что с 01.01.2018 вступил в силу Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, существует юридическая некорректность при указании места совершения преступления словосочетаний «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» в статье 200¹ и «таможенная граница Таможенного союза» в статье 200² УК РФ. Полагаем, что, несмотря на то, что Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении от 27.04.2017 № 12 высказался о том, что под этими терминами следует понимать таможенную границу Евразийского экономического союза, юридически грамотнее было бы внести соответствующие изменения в указанные статьи УК РФ.

Перейдем непосредственно к данным, которые позволят провести анализ и сделать некоторые выводы по уголовным делам, возбужденным таможенными органами за 2014–2018 гг. Данные представлены в таблице 2 и рис. 1.

Следует отметить, что за исследуемый период наблюдается тенденция к сохранению на достаточно высоком уровне общего числа преступлений, совершенных в РФ. Так, в 2014 году было совершено 2 190 578 преступлений, из них 1 890 явились таможенными, в 2015 году это соотношение было 2 388 476 и 2 031, за 2016 год 2 160 063 и 2 234, и в 2017 соотношение составило 2 058 476 и 2 103 соответственно [9]. Таким образом, таможенные преступления в общем количестве преступлений по РФ составили менее 1 % (от 0,001 до 0,08 %). Проведенный анализ показывает, что ежегодно количество возбужденных дел таможенными органами РФ в целом, не на много уменьшается, это свидетельствует

о том, что криминальная деятельность в сфере внешне-экономической деятельности не идет на спад. За 2018 год несколько снизились общие показатели относительно 2015 года — 1889 и 2031 соответственно возбужденных уголовных дел по таможенным преступлениям, показатели за 2018 год находятся примерно на уровне 2014 года. Самый большой процент возбужденных уголовных дел приходится на контрабанду по ст. 226 УК РФ — контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ... За исследуемый период количество возбужденных уголовных дел по указанной статье занимало от 23,64 % до 32,27 % в общем количестве всех таможенных преступлений, варьируясь в пределах от 528 до 661 случая. Показатели по этому виду преступления увеличились на 8 % в 2017 году по сравнению с 2016 г., а в 2018 наоборот снизились на 12 %. На втором месте находятся уголовные дела по ч. 3,4 ст. 194 УК РФ — уклонение от уплаты таможенных платежей... Надо отметить, что в 2015 году это преступление находилось на первом месте среди всех таможенных преступлений — 691 случай возбуждения уголовных дел. Однако, в 2018 году количество возбужденных дел по данной статье снизилось почти на 40 % по сравнению с 2015 годом (330 случаев). Криминализованы только те случаи, которые совершены в крупном или особо крупном размере. Наиболее распространенным способом является занижение стоимости товара, сокрытие перемещаемого груза, а также предоставление недостоверных сведений. Размер уклонения определяется по сумме таможенных платежей, подлежащих взиманию. Третье место занимает количество возбужденных дел по ст. 229 УК РФ — контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров... Наблюдается в 2018 году по сравнению с 2014 постепенный спад, возбуждено таких уголовных дел меньше на 51 % (299 и 491 соответственно). На четвертом месте уголовные дела по ст. 193 УК РФ — уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации. За пятилетний период количество таких преступлений постепенно возрастает с 132 в 2014 г. до 195 случаев в 2018 г. Пятое место занимают уголовные дела по статье 193 УК РФ — совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Количество возбужденных дел за исследуемый период колеблется, но имеет устойчивую тенденцию к росту и в 2018 г. количество таких преступлений было максимально (159) по сравнению с предыдущими годами.

Таблица 2. Сравнение показателей правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации по возбужденным уголовным делам за 2014–2018 гг. [10]

Статьи УК РФ	2018 г.	2018 г.	2017 г.	2017 г.	2016 г.	2016 г.	2015 г.	2015 г.	2014 г.	2014 г.
ст. 229 ¹	299	16,20%	321	15,3%	342	15,30%	399	19,64%	491	25,72%
ст. 226 ¹	577	31,60%	661	31,38%	528	23,64%	544	26,80%	616	32,27%
ч. 2 ст. 200 ²	42	2,30%	52	2,56%	32	1,43%	25	1,23%	н.д.	н.д.

Статьи УК РФ	2018 г.	2018 г.	2017 г.	2017 г.	2016 г.	2016 г.	2015 г.	2015 г.	2014 г.	2014 г.
ст. 200 ¹	62	3,40%	65	3,10%	60	2,68%	88	4,33%	76	3,98%
ч. 3,4 ст. 194	330	18,07%	481	22,88%	683	30,60%	691	34,03%	506	26,51%
ст. 193	195	10,68%	173	8,18%	170	7,61%	168	8,27%	132	6,91%
ст. 193 ¹	159	8,71%	116	5,50%	142	6,36%	90	4,43%	33	1,73%
ст. 190	1	0,05%	0	0%	1	0,04%	0	0%	н.д.	н.д.
ст. 189	1	0,05%	0	0%	1	0,04%	7	0,34%	9	0,47%
ст. 174 ¹	2	0,11%	1	0,04%	1	0,04%	0	0%	1	0,05%
ст. 173 ²	149	8,16%	188	8,93%	187	8,37%	8	0,39%	6	0,31%
ст. 173 ¹	67	3,67%	45	2,13%	87	3,89%	11	0,54%	20	1,05%
Всего:	1889		2103		2234		2031		1890	

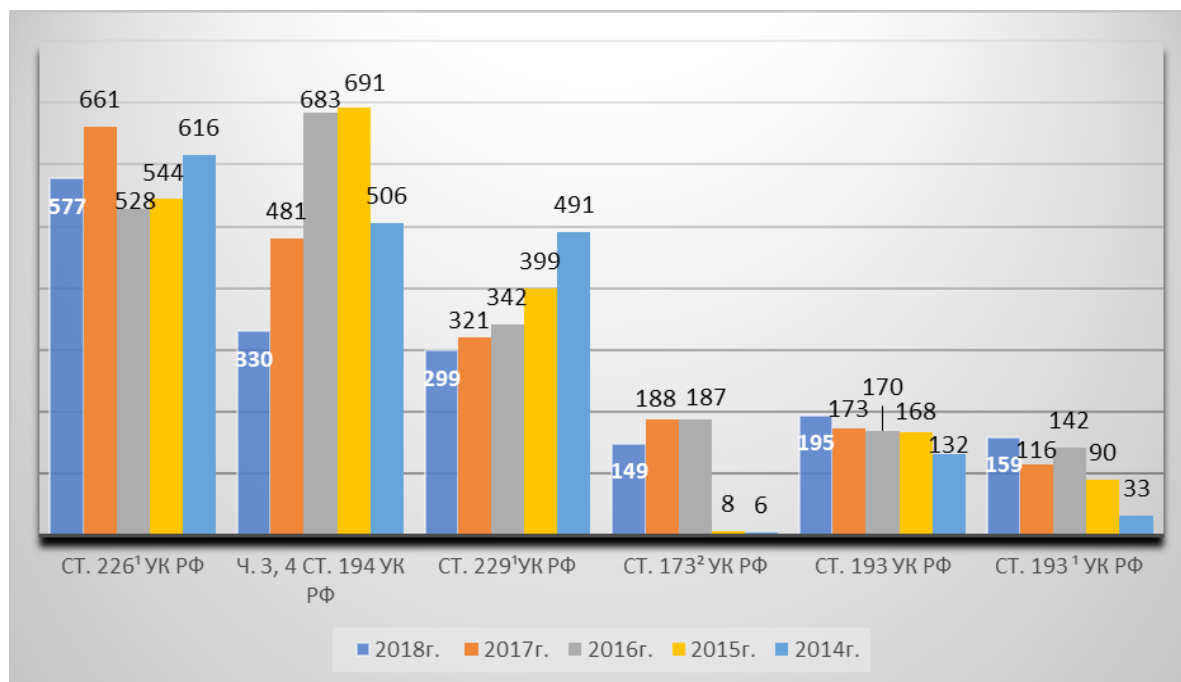

Рис. 1. Сравнение показателей правоохранительной деятельности Таможенных органов РФ по возбужденным уголовным делам за 2014–2018 гг.

Хотелось бы отметить, что стоимость незаконно перемещенных через таможенную границу товаров, сумма неуплаченных таможенных платежей, незаконно перемещенных и переведенных денежных средств чрезвычайно огромна. Так, по данным ФТС РФ за 9 месяцев 2018 года стоимость незаконно перемещенных через таможенную границу ЕАЭС товаров, в том числе стратегически важных товаров и ресурсов (статья 226¹ УК РФ) составила около 3,6 млрд рублей. Сумма неуплаченных таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) составила 3,4 млрд рублей. По статье 193 УК РФ не возвращено из-за границы средств в иностранной валюте или валюте РФ на сумму более 22 млрд рублей. Сумма переведенных денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ) составила 14,6 млрд рублей. Около 149 млн рублей — незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) денежных инструментов по статье 200¹ УК РФ. Что касается незаконно перемещенной через таможенную границу ЕАЭС алкогольной и табачной продукции (ст. 200² УК

РФ), то сумма — около 397 млн рублей [10]. Таким образом, сумма только по денежным средствам в результате таможенных преступлений за 9 месяцев 2018 г., предусмотренных статьями 193, 193¹, 194 составила 40 миллиардов рублей. Если сравнить этот показатель за 2014 год, то он был больше на 8,7 миллиардов рублей [10].

Можно выделить отдельные характерные черты таможенных преступлений: латентность, коррумпированность, транснациональность, высокая общественная опасность, совершение большого количества преступлений группой лиц или организованными преступными сообществами (ОПГ), использование такими сообществами граждан и организаций, имеющих привилегии и льготы при таможенном оформлении, разделение сфер влияния в ВЭД ОПГ, возрастание информированности ОПГ о специфике таможенного дела, создание схем незаконного ухода от таможенных платежей, коррумпированность. Как отмечают авторы М. А. Самерюк и Е. Н. Яковец, «организаторами совершения таможенных преступлений являются в основном представители так называемой

«беловоротничковой» криминальной среды — разновидности организованной преступности. Они достаточно редко по визуальным признакам попадают в поле зрения правоохранительных органов, стараясь ничем не особым не выделяться из среды законопослушных граждан. Рядовые же исполнители таможенных преступлений нередко вербуются из общеуголовной среды, и их можно распознать по ряду характерных статических признаков» [5, с. 88]. В число способов, используемых правонарушителями для сокрытия преступлений, входят различные варианты отмыывания доходов, полученных преступным путем, а также имитация хозяйственной деятельности, в т. ч. через создание подставных организаций.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Авторами представлена классификация из 6 групп таможенных преступлений, закрепленных в УК РФ исходя из предмета посягательства. Предложено внести изменения в главный нормативно-правовой акт в области уголовного права в части отграничения 3 видов контрабанды, закрепленных в статье 226¹ УК РФ. Смысл изменений в следующем: во-первых, необходимо оставить за статьей 226¹ состав контрабанды сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники; во-вторых, внести в УК РФ новые статьи 226² — контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов, 190¹ — контрабанда культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Также авторы предлагают внести изменения в статьи 200¹ и 200² УК РФ, заменив слова «таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» и «таможенную границу Таможенного союза» словами «таможенную границу Евразийского экономического союза». Помимо этого, в целях ясности и конкретики автор видит необходимость рекомендовать Правительству РФ принять Постановление об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов, стоимость которых превышает 1 миллион рублей.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13. 06. 1996 N 63-ФЗ (ред. от 27. 12. 2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2018).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2018).
3. Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. N 923
4. «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 12.01.2019).
5. Беспалько В. Г. Институционализация таможенных преступлений в российском уголовном праве (исторический аспект) // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 3. С. 67–77.

2. Были выделены характерные черты таможенных преступлений, среди которых главными являются латентность, транснациональность, высокая общественная опасность, участие в таких преступлениях организованных преступных сообществ, коррумпированность.

3. Проведен статистический анализ по возбужденным уголовным делам Таможенными органами РФ за период с 2014 по 2018 годы. В ходе анализа было выявлено, что таможенные преступления в общем количестве преступлений, совершенных в РФ занимают менее 1%. Однако количество таможенных преступлений снижается незначительными темпами, что свидетельствует о необходимости постоянного анализа и искоренения причин совершения преступлений. На первом месте по количеству среди всех таможенных преступлений находятся преступления по статье 226¹ УК РФ — контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ..., которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения., на втором месте — преступления по ч. 3, 4 ст. 194 РФ — уклонение от уплаты таможенных платежей..., на третьем месте — преступления по статье 229¹ УК РФ — контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов..., на четвертом месте — преступления по статье 193 УК РФ — уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств..., на пятом месте — преступления по статье 193¹ — совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Несмотря на малое количество преступлений по ст. 193, 193¹, 194 УК РФ в общем масштабе преступлений по РФ, общая сумма ущерба РФ по таким преступлениям чрезвычайно велика — 40 миллиардов рублей.

Для решения выявленных проблем необходимы давно известные мероприятия, такие как: укрепление кадрового потенциала и повышение уровня профессионализма сотрудников ТО, создание повышенного контроля и ужесточение санкций в области борьбы с коррупцией и должностными преступлениями в ТО, улучшение информационных систем ТО, развитие базы, которая направлена на получение оперативной информации с использованием зарубежных источников.

6. Беспалько В. Г. Актуальные проблемы квалификации таможенных преступлений // Вестник Российской таможенной академии, 2018. № 1. С. 103–109.
7. Никольская А. Г. Уголовная ответственность за таможенные преступления: учебное пособие. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2014. 128 с.
8. Озолинг А. Е. Правоохранительная деятельность таможенных органов, — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. — 210 с.
9. Самерюк М. А., Яковец Е. Н. Проблемные вопросы информационно-аналитического обеспечения оперативно-разведывательной деятельности таможенных органов в современных условиях // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 4. С. 87–94.
10. Данные Генеральной прокуратуры. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс] URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.01.2019).
11. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2014–2018 годы. Официальный сайт ФТС. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения: 16.01.2019).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

История становления и развития местного самоуправления в Республике Узбекистан

Третьяков Сергей Игоревич, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Ключевые слова: *местное самоуправление, Узбекистан, Азия, сход граждан.*

Как известно с давних времен, государство не может делать шаги к демократизации общественной жизни без непосредственного участия граждан. Исполнок веков гражданские права и свободы, как бы широко они не распространились после, зарождались в маленькой ячейке граждан, сплоченной возможностью самоуправления на том или ином уровне. Будь то село, район, город или целая область — простое население, не имевшее отношение к большой политике, всегда стремилось к совместному ведению дел на определенной территории или же среди конкретного класса населения. Восток не был исключением.

Современная модель местного самоуправления на территории республики Узбекистан зарождалась бок о бок с процессом исламизации региона. Зороастризм, имевший подавляющее число сторонников ранее, не давал конкретных направлений развития местного самоуправления как института. В VIII век н. э. завершилось Арабское завоевание Ферганской долины¹, что положило начало полномасштабному вытеснению Зороастризма как религии, а также изменению модели управления. Еще 200 лет арабское вторжение в Среднюю Азию продвигалось на Запад, но первая купольная мусульманская мечеть была построена в городе Риштан в конце VIII века. Дальнейшее распространение арабского влияния, как и религии, было завершено к концу X века и затронуло такие значимые города Средней Азии как Ташкент, Самарканд, Бухара.

Впоследствии, на протяжении нескольких веков наблюдается демографический рост населения Ферганской долины и прилегающих западных территорий. Для сравнения, на 2017 год в Узбекистане (куда входят исследуемые регионы) насчитывается около 32,3 миллиона человек, что в полтора раза больше населения всех остальных стран Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Туркмения).

Экономическая сторона жизни указанных регионов получает импульс благодаря торговле в едином

государстве, а после в близких мусульманских государствах, при наличии торговых путей от Южно-Китайского моря до Каспийского.

Все вышеуказанные факторы приводят к образованию новой модели местного самоуправления, построенной на более современных принципах. Управление в деревнях (кишлаках) осуществлялась сходом граждан и никогда не имела широких полномочий в связи с малочисленностью схода, поэтому для данной работы используется пример крупных городов региона.

Все крупные города подвергаются административно-территориальному разделению: образуются кварталы ремесленников, административные и гражданские районы. Вводится новое понятие «махалля»² — объединение жителей части города (район, квартал, улица) по общему признаку (род занятий, профессия, государственная служба), которое осуществляет управление на занимаемой территории.

Махалля ремесленников часто включала в себя крупные торговые улицы и имела название в соответствии с родом занятий: Кулолон — гончары, Заргарон — ювелиры, Чармгарон — кожевники. Торговые и административные кварталы назывались в честь достопримечательностей или архитектурных сооружений: «Пули сафед» (Белокаменный мост). Имело места наречение районов по этническому признаку: Тюрк-махалля, Таджик-махалля. В менее заселенных городах, не имевших развитой инфраструктуры, районы объединялись вокруг мечетей и имели названия религиозного строения: Махалля «Гумбаз»³.

Следует отметить, что махалля не понятие территориальной единицы, а сообщество людей или социальная единица. Рассматривая термин с этой стороны не сложно представить, как динамично изменялись функции данного образования на протяжении столетий.

Начиная с самого появления махалли во внутригородском делении данный институт власти получал новые

¹ В современности — Ферганская область республики Узбекистан, включающая множество крупных городов, имеющих возраст более 2000 лет

² Махалля (араб.) — смежный лагерь/привал, или городской стан

³ Гумбаз (перс.) — купол (как описание конструкции мечети)

и новые полномочия, расширял свою внутриорганизационную структуру. Стоит отметить, что махалля как орган самоуправления не имела устава и официально не регламентировалась. Однако, привлечение населения к местному самоуправлению практически всегда было лишь вопросом времени.

Внутри каждого района действовал сход граждан, решающий все житейские вопросы самостоятельно, такие как: обустройство квартала, организация успешной торговой деятельности, вопросы культурного досуга всех жителей и т. д. Решения принимались большинством голосов жителей махалли. Такие решения не имели юридической силы вне квартала, но жителями района не оспаривались.

Вторым важным органом махалли являлся глава схода. Он выбирался стихийно и зачастую неофициально. История показывает наличие нескольких моделей главы: первая — глава выбирался сходом из числа уважаемых и зачастую старейших жителей района, своеобразный непререкаемый авторитет среди населения квартала; вторая — главой схода становился религиозный служитель мечети, идеологический лидер верующих жителей, коими были практически все. Не возбранялось наличие двух вариантов одновременно, что совершенно не мешало ведению деятельности схода. Глава схода организовывал собрания, принимал решения самостоятельно и решал спорные вопросы между жителями района.

Спустя несколько веков деятельность махалли была оценена правительством как плодотворная и к полномочиям стали без опаски добавляться те, что имели отношения ко всему городу в целом. Главы махалли представляли волю населения перед управителями городов, наместниками и эмирами. Махалля могла собирать налоги внутри своего района чтобы сгладить волнения от поборов государственных лиц, которые были совершенно не знакомы жителям. Махалля начала поддерживать порядок и безопасность на улицах самостоятельно организуя отряды добровольцев. Во время осады городов организованное сопротивление жителей районов часто становилось последней линией обороны города.

Более никаких значимых событий развитие института местного самоуправления на территории Узбекистана не происходило вплоть до середины XIX века. Новый виток развития придало колониальные походы Российской империи в Среднюю Азию. К 1839 году были подчинены Кокандское ханство (города Коканд и Ташкент), Бухарский эмират (города Бухара и Самарканд), Кокандское ханство (город Коканд и территория современного Туркменистана). Все эти земли так или иначе входят в современные границы Узбекистана и на протяжении долгих веков использовали модель самоуправления, раскрытую вначале.

С приходом Российской империи с Среднюю Азию начался период адаптации институтов местного самоуправления с новой властью, вводящей новые порядки. Стоит отметить, что колониальная политика была довольно мягкой и коренных изменений не принесла по разным причинам. В середине XVIII века имеет место переселение русского населения в Центральную Азию, что еще больше осложнило существование устоявшегося

местного самоуправления, так как новые жители вели свое хозяйство самостоятельно и не зависели от махалли.

Поэтому, органы местного самоуправления Центрально азиатского региона, практически не лишённые полномочий, но наделённые новыми обязанностями, в период конца XVIII века — начала XX века представляли из себя очаги культурно-этнической опасности, что в последствии сказалось на их истории. Описанные ниже примеры это подчёркивают.

1896 год — восстание в городе Андижан. Мотивом к волнениям среди населения стали разногласия на религиозной почве, а целью ставилось восстановление независимого Кокандского ханства. Во главе восстания стоял пользовавшийся огромной популярностью местный религиозный вождь ишан Магомед-Али Халиф Мухаммед-Сабыр-оглы, который многие годы был активным деятелем местного самоуправления Андижана. Восстание провалилось за несколько дней и жестоко каралось правительством. Однако, примечательно то, что общественный деятель, уважаемый местным населением, без видимых для администрации предпосылок смог одновременно призвать к восстанию около 2000 человек проживающих в городе. Это указывает на высокое влияние общественных лидеров населения городов того времени.

1916 год стал самым тяжелым и ярким, но последним периодом в восстаниях городов Центральной Азии. На протяжении всего года вспыхивали восстания в крупных городах региона. Причиной всему послужил Указ правительства о трудовой мобилизации полумиллиона жителей для нужд армии, причем ранее население региона никогда не задействовалось для подобных целей. Вооруженные волнения начались в Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской, Закаспийской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской, Уральской областях после жесткого подавления манифестаций в Ходженте 4 июля 1916 года.

Главными особенностями череды волнений среди мирного населения были стихийность и отсутствие единого лидера. Всегда на восстание население поднималось или местным религиозным деятелем, призывавшим к газавату, или же избранным главой местного самоуправления. Из этого можно сделать вывод о том, что к 1916 году местное самоуправление Средней Азии превратилось из мирного органа народовластия в очаг этнического сопротивления, что показывает гибкость института и возможность его незамедлительного приспособления к желаниям и целям населения, проживающего на его территории.

Все очаги восстания были успешно ликвидированы, но власть в России сменилась и наступила новая эпоха местного самоуправления на территории современного Узбекистана.

Советская власть не стала повторять ошибок Российской империи и лишила органы махалли каких-либо значимых полномочий. Махалля как институт превратилась в место встреч населения кварталов и городов, а избираемые главы больше не имели никакой реальной силы, тем более навсегда исчезла модель главы как религиозного лидера. На смену пришла система

советов и Конституция РСФСР 1918 года закрепившая новую систему местного самоуправления.

Советская система местного самоуправления просуществовала вплоть до распада СССР, но так и не смогла уничтожить махаллю как обычай местного самоуправления на территории Узбекистана.

После приобретения независимости в 1991 году, в республике Узбекистан начался интенсивный процесс восстановления собственного исторического местного самоуправления. С самого начала существования молодая страна взяла курс на демократизацию. Этот процесс был вызван не демократическими веяниями Запада, а острой необходимостью с национальной окраской. Необходимо сказать, что, как и везде, местное самоуправление в Узбекистане повлияло на экономический рост, демографию, правопорядок и на множество других важных факторов в развитии государства. Но нельзя исключать и специфические причины развития гражданского института.

Во-первых, сплочение народа в очаги управления государством требовалось для скорейшего поднятия национального духа: после развала СССР многие из людей боялись за дальнейшее будущее. Сразу за распадом огромного государства распалась и система управления во всех его осколках. Силами институтов местного самоуправления в Узбекистане получилось минимизировать последствия кратковременного перестроения функционирования республики. Люди не так сильно боялись новую власть, с которой были еще не знакомы, потому что в каждом отдельном селе, районе или городе были представители власти от народа, которых знали и уважали.

Во-вторых, молодое государство подверглось террористической экспансии. С первых же лет независимости в Узбекистане развивались террористические движения. Республика стала интересна восточным террористическим группировкам из-за своих национальных, религиозных, географических и ландшафтных особенностей. Известно о широкомасштабной вербовке населения на религиозной почве для совершения террористических действий на территории других стран. Поэтому, местное самоуправление сыграло свою роль в антитеррористической политике Узбекистана: объединяя людей в свое рода общины под руководством уважаемых граждан получилось избежать массового воздействия радикальных движений на население.

Начиная с зарождение молодой республики местное самоуправление начало стремительное развитие за долгий период застоя. Наглядно видно, что с внесением в новую конституцию политических прав в сфере местного самоуправления этот исторический и традиционный институт восточной культуры стал неотъемлемой частью жизни всего населения.

Но упоминание в конституции не стало последним шагом правительства республики Узбекистан. Напротив, на протяжении нескольких десятков лет органы местного самоуправления приобретали и приобретают стабильную правовую основу. Так выглядит правовая основа института местного самоуправления сегодня:

1) Конституция Республики Узбекистан

2) Закон «Об органах самоуправления граждан»

3) Закон «О выборах председателя (аксакала) схода граждан и его советников»

4) Иные законы, содержащие ряд полномочий органов МСУ, такие как: «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних», «Об ограничении распространения и употребления алкогольной и табачной продукции» и другие.

Конституция Узбекистана [1] устанавливает право народа на самоуправление, а также определяет наличие органа местного самоуправления. Так, в статье 32 (глава 8. Политические права) говорится: *«Граждане Республики Узбекистан имеют право участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей. Такое участие осуществляется посредством самоуправления, проведения референдумов и демократического формирования государственных органов, а также развития и совершенствования общественного контроля над деятельностью государственных органов»*. — что показывает закрепление МСУ на конституционном уровне.

Статья 105 (глава 21. Основы государственной власти на местах) гласит: *«Органами самоуправления в поселках, кишлаках и аулах, а также в махаллях городов, поселков, кишлаков и аулов являются сходы граждан»*. Тем самым устанавливается главный орган самоуправления — Сход граждан.

Закон [2] «Об органах самоуправления граждан» — основной нормативно-правовой акт в Республике Узбекистан, регулирующий, как гласит статья 1, «отношения в области деятельности органов самоуправления граждан». Стоит отметить то, что закон является примером высокой юридической техники и учета демократических стандартов, так как содержит прямые указания фундаментальных основ демократии, нашедших свое воплощение в местном самоуправлении.

Закон [3] «О выборах председателя (аксакала) схода граждан и его советников» — нормативно-правовой акт, определяющий порядок избрания и нахождения на своем посту главы местного самоуправления. Интересен тот факт, что данный вопрос не был изложен в тексте предыдущего закона, что говорит о придание особой важности этому представительному органу.

Из проведенного, в данной работе, анализа прав граждан на самоуправление видно, что несмотря на свой молодой возраст Республика Узбекистан уже имеет широкую правовую базу для существования и развития местного самоуправления. Идущие в ногу со временем принципы местного самоуправления ничем во многом не уступают развитым демократиям. Правительство Республики Узбекистан делает упор на соблюдение прав человека в вопросах местного самоуправления. Это прекрасно видно при анализе предоставленных прав и свобод в данном вопросе.

Также, самоуправление в Узбекистане является начальной платформой для создания политической карьеры любого лица независимо от пола, национальности, веры или убеждений — если человек избран народом,

то у государства нет инструментов воздействия на его дальнейшую деятельность. Потому, именно население является строителем демократической атмосферы в своем регионе и активно этим пользуется.

Учитывая все исследованные особенности истории органов МСУ Узбекистана, их историческое происхождение

и традиционные восточные принципы, а также общеизвестную роль местного самоуправления в развитии демократии можно говорить о том, что становление МСУ в Узбекистане — это интересный пример Восточной модели в мировой истории МСУ, который заслуживает внимательного изучения.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан — принята на XI сессии Верховного Совета Республики Узбекистан 14 ноября 1992 года // Газета «Народное слово», 247 номер, 15 декабря 1992 года.
2. Закон Республики Узбекистан от 02.09.1993 года № 915-ХП «Об органах самоуправления граждан» (в редакции ЗРУ от 14.04.1999 года № 758-И и ЗРУ от 28.03.2013 № 350) // Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2007 г., № 9, ст. 420.
3. Закон Республики Узбекистан от 29.04.2004 года № 609-П «О выборах председателя (аксакала) схода граждан и его советников» (в редакции ЗРУ № 351 от 28.04.2013) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2004 г., № 5, ст. 78.
4. Закон Республики Узбекистан от 29.09.2010 № 263 «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних» // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2009 г., № 10, ст. 41.
5. Закон Республики Узбекистан от 05.10.2011 № 302 «Об ограничении распространения и употребления алкогольной и табачной продукции» (в редакции ЗРУ от 07.03.2012 № 65 и ЗРУ от 04.12.2012 года № 341) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2011 г., № 10, ст. 165..
6. Мусурманкулов Ф.У. Махалля — важный субъект самоуправления граждан // Молодой ученый. № 7. 2013. 351–353 с.
7. Карлайл Д., Левитин Л. Ислам Каримов — президент нового Узбекистана. // Т.: Университет, 1996., 420 с.
8. Азизхонов А. Т., Ефимова А. П. — Теория и практика строительства демократического общества в Узбекистане / Т.: Университет, 2005., 312 с.
9. Дубков В. В. «Политология». // Т. Мехнат, 2004 г. 210–219 с.
10. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан — государственный источник публикации новых нормативно-правовых актов — <http://parliament.gov.uz>
11. Газета «Uzbekistan Today», государственный интернет портал политических публикаций — <http://mfa.uz>
12. Государственный Интернет-портал, сборник нормативно-правовых актов Республики Узбекистан — <http://lex.uz>

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 2 (09) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 5.04.2019. Дата выхода в свет: 10.04.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.